

РОБЕРТ БИТТИ

СЕРРАФИНА
и
ПОСОХ-ОБОРОТЕНЬ

Бестселлер The New York Times

Приключения Серафины

Роберт Битти

Серафина и посох-оборотень

«АСТ»

2016

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Битти Р.

Серафина и посох-оборотень / Р. Битти — «АСТ»,
2016 — (Приключения Серафины)

ISBN 978-5-17-102827-5

Мрачная, мистическая, пробирающая до дрожи история, которая не оставит равнодушными читателей «Коралины» Нила Геймана. Приключения Серафины, удивительного крысолова, продолжаются спустя несколько недель после победы над Человеком в черном плаще, похищавшим детей из поместья Билтмор. Девочка, совсем недавно открывшая тайну своего происхождения, стремится узнать больше. На этом трудном пути ее ждут не только невероятные события, но и новые злодеи. Дружба подвергается нелегким испытаниям, но Серафина не сдастся и идет к своей судьбе.

УДК 821.111-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102827-5

© Битти Р., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

1	7
2	12
3	15
4	18
5	21
6	22
7	26
8	28
9	32
10	35
11	40
12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роберт Битти

Серафина и посох-оборотень

Роман

Посвящаю эту книгу читателям, которые рассказали о Серафине своим друзьям и знакомым, тем самым подарив мне возможность издать продолжение истории

А также Дженифер, Камилле, Женевиэве и Элизабет: моим сообщницам, соавторам и просто самым любимым

Robert Beatty
Serafina and the Twisted Staff

* * *

This edition is published by arrangement with Disney Hyperion, an imprint of Disney Book Group. All rights reserved.

© М. Торчинская, перевод на русский язык, 2016

© Text copyright © 2016 by Robert Beatty All rights reserved. Published by Disney, Hyperion, an imprint of Disney Book Group.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Билтморское поместье,
Эшвилл, Северная Каролина
1899
Три недели спустя после победы над Человеком в черном плаще

1

Низко припав к земле, не отрывая взгляда от добычи, Серафина кралась сквозь густые заросли залитого лунным светом леса. Всего в нескольких футах от нее крупная лесная крыса, а точнее, молодой крыс, пожирал жука, которого только что выкопал из земли. Сердце Серафины билось сильно и ровно, не мешая медленному и беззвучному приближению к крысу. Ее мускулы напряжились, готовые к рывку. Но она не торопилась. Двигая лопатками вперед-назад, чтобы выбрать правильный угол броска, она выжидала подходящий момент. И, когда крыс наклонился, чтобы схватить другого жука, она метнулась вперед.

В тот миг, когда она прыгнула, крыс успел краем глаза уловить движение. У Серафины никак не укладывалось в голове, почему многие лесные обитатели словно каменели от ужаса, когда на них нападали. Вот если бы на нее из темноты вдруг бросилась смерть, вооруженная когтями и клыками, она защищалась бы до последней капли крови. Ну, или кинулась бы бежать. Короче, она бы что-то делала. Понятно, что мелкие лесные зверюшки вроде крыс, кроликов и бурундуков никогда не отличались бесстрашием, но каменеть-то зачем? Какая от этого польза?

Серафина метнулась к крысу, схватила быстрее, чем у него дрогнул ус, и сжала в руке. И только теперь, когда было слишком поздно, тот затрепыхался, начал кусаться и царапаться. меховое тельце вертелось ужом, крошечное сердце отчаянно колотилось. «Вот оно, – подумала Серафина, ощущая бешеный стук сердечка у себя в кулаке, – вот это борьба».

От этой мысли ее пульс тоже ускорился, все чувства обострились. Она видела и слышала все, что происходит в лесу вокруг нее – как передвигается по ветке древесная лягушка в тридцати футах у нее за спиной, как скрипит вальдшнеп где-то вдалеке, как промелькнула в проглядывающем меж крон ночном небе летучая мышь.

Конечно, она делала все это только ради тренировки – выслеживала, подкрадывалась, наскокивала и хватала. Серафина не убивала добычу, у нее не было такой необходимости, да только ее жертвы, черт возьми, этого не знали! Для них она была воплощением ужаса, самой смертью! Так почему же при виде нее они замирали на месте, почему не спасались бегством?

Серафина уселась на палую листву, прислонилась спиной к стволу старого, корявого, покрытого лишайником дуба и опустила руку с зажатым в ней крысом на колени.

Только после этого медленно разжала ладонь.

Крыс рванулся со всей скоростью, на какую был способен, но Серафина тут же поймала его и опустила сжатый кулак себе на колени. Она подержала крысенка в плену несколько мгновений, затем опять разжала руку. На этот раз он не бросился бежать, а остался сидеть на ладони, задыхаясь и дрожа, слишком растерянный и измученный, чтобы двигаться.

Серафина приподняла перепуганного грызуна чуть выше на ладони и, склонив голову набок, принялась разглядывать его. Лесной крыс не был похож на своих мерзких, серых, помочных собратьев, которых она ловила в подвалах Билтморского поместья. Порванное левое ухо говорило о том, что в его жизни уже случались неприятности. У него были темные глазки и вытянутая мордочка, на которой подрагивали длинные усы, и он больше напоминал уютную симпатичную мышку, чем хищных грызунов, на которых обычно охотилась Серафина. Девочка с легкостью представила этого крысенка одетым в широкополую шляпу и жилет на пуговицах. Она чувствовала себя немного виноватой оттого, что поймала его, но знала, что, стоит крысу рвануться с места, она, не успев даже подумать, мгновенно схватит зверька снова – не сознательно, инстинктивно.

Крыс пытался отдышаться, одновременно стреляя глазами-бусинками во все стороны в поисках спасения. Но не смел шевельнуться. Он тоже прекрасно понимал, что при малейшем

движении будет опять схвачен, что это в природе охотницы – играть с жертвой, ловить ее, хватать до тех пор, пока та не умрет.

Но Серафина еще немного посмотрела на крысу, а затем опустила его на лесную подстилку:

– Извини, малыш, я просто тренировалась.

Крыс растерянно уставился на девочку.

– Давай, беги, – мягко сказала Серафина.

Крыс посмотрел на заросли чертополоха.

– Я не обманываю, – заверила девочка.

Но крыс, кажется, не верил ей.

– Иди домой, – проговорила Серафина. – Только сначала двигайся помедленнее, не кидайся опростетью, тогда у тебя все получится. И в следующий раз держи глаза и уши открытыми, даже когда лопаешь жука, слышишь? В этих лесах водятся существа пострашнее меня.

Лесной крыс с рваным ухом в растерянности принялся тереть мордочку передними лапками, наклоняя голову, как будто кланялся. Серафина тихонько фыркнула от смеха, и это наконец-то привело его в чувство. Опомившись, он помчался в заросли.

– Хорошего тебе вечера, – сказала ему вслед Серафина.

Она подумала, что, убегая все дальше и дальше, крыс будет все больше и больше воображать себя бесстрашным и сильным и, к тому времени, когда добежит до дому, уже сочинит целый рассказ для жены и малышей, ожидающих его к ужину. Девочка с улыбкой представила, как крыс сидит, окруженный семьей, и рассказывает длинную запутанную историю о том, как он в лесу тихо-мирно занимался своими делами, грыз жука, и вдруг на него накинута свирепый хищник, и ему пришлось биться не на жизнь, а на смерть. Интересно, как он опишет ее, Серафину, – кошмарным могучим зверем или просто девочкой?

В этот миг она услышала легкий шорох где-то вверху, как будто летний ветерок коснулся верхушек деревьев. Но ветра не было. Полночный воздух был холодным и неподвижным, словно Бог затаил дыхание.

Серафина вновь уловила тончайший, едва слышный, почти что призрачный звук. Она посмотрела вверх, но увидела лишь ветви деревьев. Поднявшись на ноги, девочка отряхнула простое рабочее платье зеленого цвета, которое ей накануне подарила миссис Вандербильт, и пошла через лес, прислушиваясь, пытаясь определить, откуда идет звук. Она склонила голову влево, потом вправо, но у звука, казалось, не было четкого направления. Серафина поднялась на каменистый холм, с которого начинался пологий спуск в поросшую лесом долину. Отсюда можно было видеть далеко вперед, на много миль над туманной дымкой, аж до самых Голубых гор по ту сторону долины. Полупрозрачные, светящиеся серебристо-белые облака медленно проплыли, заслоняя луну. Ее яркие лучи окутывали пушистые облачка сиянием, мерцали сквозь них, освещали Серафину, отчего она отбрасывала длинную неровную тень на землю позади себя.

Стоя на каменистом выступе, девочка внимательно осматривала лежащую перед ней долину. Вдали из лесного сумрака вырастали острые башни и черепичные крыши Билтморского поместья. Бледно-серые известковые стены были украшены горгульями в виде мифических животных и скульптурами древних воинов. В сводчатых окнах отражались звезды, и обитые золотом и медью края крыши блестели в лунном свете. На втором этаже роскошного дома спали мистер и миссис Вандербильт, а также их племянник и друг Серафины Брэден Вандербильт. Гости – родственники Вандербильтов, приехавшие издалека, бизнесмены, знаменитости, известные художники, – спали на третьем этаже в роскошных, предназначенных специально для них спальнях.

В обязанности отца Серафины входило следить за отопительной системой, электричеством, стиральными машинами, работающими благодаря вращению кожаных приводов, и

всеми прочими новомодными приспособлениями в поместье. Жил он вместе с Серафиной в мастерской, расположенной в подвальном этаже по соседству с кухонными помещениями, прачечными и кладовыми.

В отличие от всех людей, которых она знала и любила, Серафина по ночам не спала. Она дремала урывками в течение дня, свернувшись клубком на подоконнике или в темном уголке где-нибудь в подвале, а по ночам крадучись обходила дозором коридоры Билтмора, как невидимый и неслышимый страж. Она исследовала петляющие тропинки обширных садов и сумрачные лощины окружающего поместье леса, а еще она охотилась.

Серафина была двенадцатилетней девочкой, но никто, кроме нее самой, не назвал бы ее образ жизни обычным. Она занималась тем, что ловила крыс в бесконечных подвальных коридорах хозяйского дома. Когда-то отец Серафины назвал ее в шутку «С.Г.К.», что означало «Самый Главный Крысолов». Но девочка приняла звание с гордостью и отнеслась к нему со всей серьезностью.

Отец воспитывал Серафину как умел, в свойственной ему грубоватой манере, но неизменно с любовью. И девочка не чувствовала себя несчастной, ужиная с папой по вечерам в мастерской, а позже пробираясь сквозь ночную тьму в стремлении избавить огромный дом от грызунов. С какой стати? И все же в глубине души ей было немного одиноко. А еще она никак не могла до конца понять, почему большинству людей требуется в темноте фонарь, и почему они так шумят при ходьбе, и что заставляет их укладываться спать по ночам, когда все вокруг становится особенно прекрасным. Она достаточно много следила за местными ребятишками, чтобы понять, что не похожа на них. Подойдя к зеркалу, она видела девочку с янтарно-желтыми глазами, острыми скулами и растрепанной гривой пестрых, словно окрашенных отдельными прядями, волос. Нет, Серафина совершенно определенно не была обыкновенным ребенком, какого можно повстречать на улице в любой день. Такого ребенка вообще ни в какой день на улице не повстречаешь. Ведь она была созданием ночи, а не дня.

Остановившись на краю долины, Серафина вновь услышала звук, который привел ее сюда: легкий трепет, словно чей-то шепот, принесенный высоко поверху порывом ветра. Звезды и планеты висели в почерневшем небе, мерцая, как будто были населены десятками тысячам душ, но никак не помогли ей разгадать загадку.

Крошечный темный силуэт мелькнул на фоне луны и пропал. У Серафины на мгновение замерло сердце. Что это было?

Она всмотрелась. Еще один силуэт промелькнул перед луной, и еще. Сначала она решила, что это летучие мыши. Но летучие мыши не летают по прямой!

Серафина недоуменно нахмурилась. Крошечные тени металась перед луной. Она подняла лицо к небу – звезды исчезали из виду. Глаза Серафины расширились от страха, но тут она вдруг поняла, что же все-таки происходит. Прищурившись, она разглядела огромные стаи певчих птиц, кружащих над долиной. Не одна, не две, не дюжина, а длинные, какие-то бесконечные вереницы, облака птиц. Они заполнили все небо. А звуком, который она слышала, был шорох тысяч маленьких крыльев воробьев, крапивников, свиристелей, улетающих на юг. Они были подобны драгоценным камням: зеленым и золотым, желтым и черным, с полосками и в крапинку. Тысячи и тысячи птиц. Казалось бы, время осенних перелетов давно прошло, но вот же они, птицы. Они проносились по небу, трепеща крыльями, и улетали на юг, улетали тайно, под покровом ночи, чтобы не заметили орлы, которые охотятся днем. Они находили дорогу, ориентируясь на вершины гор и расположение сверкающих звезд далеко в вышине.

Стремительные, порывистые движения птиц всегда завораживали Серафину, заставляя пульс биться чаще, но сейчас ее охватили совсем иные чувства. Этой ночью яркость и красота широкого пути из тел пернатых, протянувшегося вдоль горного хребта континента, проникла ей в самое сердце. У Серафины было такое чувство, словно ей посчастливилось лицезреть редчайшее явление, которое случается раз в жизни. Но тут же она сообразила, что птицы летят

в том направлении, которое им указали их родители и родители их родителей; точно так же летали их предки на протяжении миллионов лет. Редчайшим явлением это было только для Серафины, ведь она впервые в жизни видела столько птиц, одновременно улетающих на юг. И это было потрясающе.

Серафина сразу вспомнила Брэдена. Он любил птиц и вообще всех, самых разных, животных.

– Вот бы ты это тоже увидел, – прошептала она, как будто он не спал в своей постели и мог слышать ее через огромное расстояние между ними.

Серафине так хотелось разделить свою радость с другом. Хотелось, чтобы он стоял рядом, глядя на звезды и птиц в вышине, и окаймленные серебром облака, и сияющую луну во всей ее красе. Конечно, она обязательно расскажет ему обо всем при встрече, но дневным словам ничем не передать прекрасное чудо ночи.

Всего несколько недель назад Серафина и Брэден одолели Человека в черном плаще, а черный плащ разорвали в клочья. Они с Брэденом были союзниками и просто друзьями, и сейчас Серафина особенно остро почувствовала, что не видела его уже несколько ночей. Каждую ночь она ждала, что Брэден заглянет в мастерскую, и каждое утро ложилась спать разочарованная. Сомнения охватывали ее все сильнее. Чем он был занят? Что мешало ему увидеться с Серафиной? Или он нарочно ее избегал? А она была так счастлива, что у нее наконец-то появился друг, с которым можно поговорить. У Серафины внутри все начинало гореть при мысли, что она была для Брэдена лишь новой игрушкой, а теперь, когда ощущение новизны притупилось, ему стало с ней неинтересно. И она снова бродила по ночам в полном одиночестве.

Нет-нет, они были друзьями, Серафина это точно знала. Но ее беспокоила мысль о том, что она не очень-то вписывается в дневную жизнь верхних – господских – этажей, ей там нет места. Неужели Брэден так быстро о ней забыл?

Еще через мгновение птиц стало меньше. Серафина окинула долину задумчивым взглядом. После победы над Человеком в черном плаще она причислила себя к хранителям Билтморского поместья – мраморным львам, возвышающимся по обе стороны от входа в дом и обороняющим его обитателей от колдунов, демонов и прочей нечистой силы. Серафине хотелось думать, что она защищает поместье не только от маленьких четвероногих грызунов, но и от всех, кто попытается напасть на Билтмор. Папаша всегда предупреждал ее об опасностях внешнего мира, о злых силах, желающих отнять у нее душу, и после того, что случилось, Серафина не сомневалась, что вокруг полно демонов.

Уже несколько недель подряд Серафина внимательно осматривалась и караулила, как часовой на башне, но она совершенно не представляла, когда и в каком обличье могут напасть демоны. Серафина не решалась признаться в этом даже самой себе, но в глубине души знала: больше всего она боится, что ей не хватит смелости, твердости, ума в борьбе с ними. Станет она охотницей или добычей? Возможно, мелкие зверьки вроде лесных крыс и бурундуков привыкли к тому, что смерть всегда рядом. Интересно, думают ли они о себе, как о добыче? Вполне вероятно, что они свыклись с мыслью о смерти и готовы к ней. Но Серафина умирать не собиралась! У нее еще была куча всевозможных дел.

Они с Брэденом только-только начали дружить, и Серафина не готова была прервать эту дружбу из-за какого-то мелкого недоразумения.

Серафина еще только пыталась осмыслить свою связь с лесом, понять, кто она и что она такое. Но после ее личного знакомства с Вандербильтами отец постоянно подталкивал Серафину к тому, чтобы она вела себя, как обычная «дневная» девочка. И миссис Вандербильт была к ней очень внимательна и так ласково разговаривала с ней. Теперь, когда у Серафины появилась возможность исследовать не только подвал, но и лес, и верхние этажи дома, она уже не могла пожаловаться на то, что у нее мало друзей. Наоборот, их стало даже слишком

много. И Серафину тянуло сразу ко всем. Долгие годы у нее не имелось на свете никого, кроме папаши. Зато теперь так приятно было начать новую жизнь, полную близких людей.

Да, это было прекрасно, и Серафине хотелось жить, бороться с новыми опасностями, одерживать над ними победу. Да и кому не хочется того же? Но что, если опасность настигнет ее так стремительно, что она не успеет ее заметить? Как сова на лету хватается мыш, так опасность падет на нее сверху, вцепится когтями и прикончит раньше, чем она сообразит, что происходит. А если главная проблема вообще заключается не в том, сумеет ли она справиться с опасностью, а в том, успеет ли она ее вовремя заметить?

Чем больше Серафина думала о птичьем столпотворении, тем тревожнее ей становилось. Действительно, на улице все еще было очень тепло, и все же – не поздновато ли начинать перелет на юг в декабре? Серафина, нахмурившись, принялась искать на небе Полярную звезду. А, отыскав, поняла, что птицы вообще летят не в ту сторону. И, если подумать, она даже не была уверена, что эти виды птиц должны зимой улетать на юг.

Ее вдруг охватил пронизывающий до костей страх. Стоя на каменистой вершине холма, девочка проследила взглядом за птицами, а затем оглянулась туда, откуда они прилетели, – на темнеющий лес. Несколько мгновений она сосредоточенно думала. И вдруг поняла.

Птицы вовсе не улетали на юг.

Они спасались бегством.

Серафина глубоко вдохнула, собираясь с силами. Ее сердце забило сильнее. Мышцы рук и ног напряглись.

Что бы это ни было, но оно надвигалось.

Надвигалось прямо сейчас.

2

Спустя мгновение ухо Серафины уловило какой-то звук. Это был не шелест воробьиных крыльев, а что-то иное, поднимавшееся от земли. Серафина, склонив голову, внимательно прислушалась. Похоже, звук шел из долины.

Она повернулась лицом к источнику звука и приставила ладони к тыльной стороне ушей – трюк, которому она научилась от летучих мышей.

До Серафины донеслось слабое позвякивание сбруи и цокот копыт. Внутри у нее все сжалось. Уж больно странными казались эти звуки глухой ночью. По вьющейся, длиной в три мили, дороге, ведущей к поместью, поднималась упряжка лошадей, влекущая за собой экипаж. Появись они днем, в этом не было бы ничего странного. Но никто никогда не приезжал в Билтмор по ночам. Что-то тут было не так. Гонец привез плохие вести? Кто-то умер? Снова началась война между Севером и Югом? Какая беда обрушилась на мир?

Попятившись от каменистого края обрыва, Серафина поспешила спуститься в долину и пробралась через лес к одному из горбатых кирпичных мостов, перекинутых там, где дорога пересекала речку. Спрятавшись в листве горного лавра, она видела, как мимо проехал старый, потрепанный экипаж. Чаще всего в экипаж запрягали одну или две лошади, но этот везла четверка мощных темно-гнедых жеребцов. Их тела влажно блестели в лунном свете, ноздри раздувались.

Серафина тревожно сглотнула. Это был не гонец.

Брэден объяснял ей, что жеребцами трудно управлять, они яростные и непослушные, брыкаются и кусаются и, помимо прочего, ненавидят других жеребцов. Но эти четверо дружно тянули экипаж.

Серафина попыталась разглядеть кучера, и волосы у нее на затылке встали дыбом. Место кучера было пусто. Кони бежали в ногу, подчиняясь единому ритму, словно ими правила чья-то умелая рука. Но кучера не было.

Девочка стиснула зубы. Все было неправильно, она это нутром чувала. Экипаж направлялся напрямик в Билтмор, а там все крепко спали и даже не догадывались о его приближении.

Экипаж повернул за угол. В тот же миг Серафина сорвалась с места и кинулась следом за ним. Она мчалась напрямик через лес, не упуская из виду экипаж на извилистой дороге. Хлопчатобумажное платье, подаренное миссис Вандербильт, было не очень длинным и не мешало бежать, но угнаться за конями оказалось на удивление трудно. Серафина бежала напролом, перебираясь через поваленные стволы и перескакивая через папоротники, перепрыгивая овраги и карабкаясь на пригорки. Она срезала путь, следуя вдоль вьющейся и петляющей дороги. Несмотря на тревогу и волнение, гонка с лошадьми вызвала у нее улыбку, а потом и смех, хотя дышать на бегу от этого стало только труднее. Но погоня с прыжками и скачками захватила ее целиком.

И тут кони внезапно замедлили ход. Серафина прервала бег и пригнулась к земле.

Кони встали. Серафина метнулась в заросли рододендронов на расстоянии брошенного камня от экипажа и затаилась, тяжело дыша.

«Почему экипаж остановился?»

Кони беспокойно переступали, из ноздрей у них валил пар.

Серафина с колотящимся сердцем смотрела на экипаж. Вот медленно повернулась ручка дверцы. Девочка пригнулась ниже.

Дверца плавно отворилась.

Серафине показалось, что внутри находятся двое. Но тут же их окутало облако такой тьмы, какою ей еще не приходилось видеть, – густая черная тень, сквозь которую ничего невоз-

можно разглядеть, даже если у тебя острый глаз Серафины. Затем из экипажа вышел высокий жилистый мужчина в широкополой кожаной шляпе и темном поношенном пальто. У него были длинные спутанные седые волосы и такие же седые усы, а борода напомнила Серафине мох, свисающий с корявого дерева. Мужчина встал посреди дороги, опираясь на сучковатый посох, и посмотрел на лес.

Из экипажа неслышно выпрыгнул волкодав самого свирепого вида и уселся возле хозяина. За ним – еще один. Псы были головастые и черноглазые, с крупными гибкими телами, покрытыми плотной черно-серой шерстью, чем-то напоминающей крысиную. Всего из экипажа выбралось пять волкодавов. Собравшись в стаю, они внимательно изучали лес, готовые напасть и убить.

Боясь издать малейший звук, Серафина вдохнула так медленно и осторожно, как только могла. Удары сердца громом отдавались в груди. Ей хотелось бежать. «Замри, – приказала она себе. – Замри в полной неподвижности». Девочка была уверена, что ее не заметят, если только она сама себя не выдаст.

Трудно сказать, почему, – может быть, из-за поношенного длинного пальто или из-за выдавшего виды экипажа, – но Серафине показалось, что человек этот проделал долгий путь. И девочка очень удивилась, когда он захлопнул дверцу, отступил назад и посмотрел на коней. Жеребцы рванули с места, словно их огрели плеткой, и экипаж быстро растворился в ночи, унося с собой того, кто остался внутри, в сторону Билтморского поместья. А бородатый мужчина с собаками остался в лесу. Но его это ничуть не рассердило и не огорчило. Наоборот. Кажется, именно этого он и хотел.

Бородач произнес слова, непонятные Серафине, и псы окружили его. Это были жуткие зверюги с мощными лапами и здоровенными когтями. В отличие от обычных собак, которые начали бы нюхать землю и исследовать лес, псы не отрываясь смотрели на хозяина, как будто ожидали приказа.

Лицо мужчины скрывали опущенные поля шляпы. Но, когда он поднял голову и посмотрел на луну, у Серафины перехватило дыхание. На старом морщинистом лице сияли серебристые глаза. Они излучали силу и могущество. Человек приоткрыл рот, словно втягивая в себя лунный свет. Девочка ожидала, что он что-то скажет, но мужчина вдруг издал кошмарный, какой-то шипящий крик, долгий пронзительный скрежет. И в ту же секунду из лесу вылетела белая, точно привидение, сова-сипуха, совершенно беззвучно взмахивая крыльями. Она отозвалась на призыв таким же леденящим кровь воплем, от которого у Серафины мурашки побежали по всему телу.

Пролетая над Серафиной, сова повернула свое странное плоское лицо в сторону девочки, словно высматривала добычу. Та припала к земле, как испуганная мышка.

Когда сова растворилась в ночном сумраке, Серафина осторожно приподнялась, и сердце ее похолодело. Бородатый мужчина и пять его волкодавов смотрели прямо в заросли, туда, где пряталась девочка. Глаза мужчины по-прежнему сияли необычным светом, хотя луна больше не светила ему в лицо.

Серафина попыталась убедить себя в том, что ни мужчина, ни псы не способны разглядеть ее среди листвы, но ее не оставляло ужасное чувство, что все они отлично знают, где она находится. Ей показалось, что почва у нее под ногами вдруг стала неизвестно почему влажной и скользкой, а плющ на лесной подстилке зашевелился. Ей послышалось шелканье, а затем долгое хриплое шипение. И тут же она ощутила дыхание мужчины на своем затылке. Девочка резко дернулась от страха и обернулась. Но позади не было ничего, кроме темноты.

Мужчина же сунул в карман узловатую, морщинистую руку и вынул нечто, похожее на клочок изодранной темной ткани.

– Нюхайте, – приказал он собакам низким угрожающим голосом.

Глядя на его грубое лицо, клочковатую бороду и простую одежду, слушая его выговор, Серафина вдруг подумала, что он уроженец Аппалачей и вырос среди каменистых ущелий и заросших колючкой пещер этих гор.

Первый волкодав ткнулся носом в складки ткани. Когда он наконец повернул голову, пасть его была оскалена, с клацающих зубов капала слюна. Пес угрожающе заворчал. За ним ткань понюхали второй, третий и прочие псы. При виде свирепо рычащих собак Серафину пронзил страх. Оставалось только надеяться, что запах ткани уведет животных в другую сторону.

Человек посмотрел на свору своих псов.

– Наша цель близка, – сказал он грозно и повелительно. – Идите по следу! Найдите Черного!

Внезапно собаки взвыли, как стая волков, и, сорвавшись, ринулись в лес. Серафина непроизвольно дернулась. Ее ноги так отчаянно стремились прочь отсюда, что она с трудом удержала себя на месте. Она должна остаться в укрытии! Это ее единственный шанс на спасение!

Но, к своему ужасу, Серафина поняла, что псы бегут прямо на нее.

Она не понимала, что происходит. Что делать? Продолжать прятаться? Отбиваться? Спасаться бегством? Но псы порвут ее на мелкие клочки.

Надо бежать. Слишком поздно. Она поняла и то, и другое практически одновременно. Надежды нет. Ее сердце сжалось, ноги словно свела судорога. Девочка окаменела от страха.

«Нет! Нет! Нет! Не делай так! Ты же не крыса! Не бурундук! Действуй!»

Сейчас, когда смерть заглянула ей в лицо, Серафина поступила, как всякий разумный обитатель леса: подскочив на десять футов в высоту, она взлетела на дерево, приземлилась на широкой ветке, промчалась по ней и, точно белка-летяга, метнулась на соседнее дерево. Оттуда соскочила на землю и помчалась со всех ног.

Взвыв от ярости, псы кинулись в погоню, громко щелкая зубами. Они гнали ее, как волки гонят оленя. Но это же были волкодавы! Их натаскивали на совсем другую дичь, гораздо более крупную, чем олени. Они были рождены, чтобы ловить и убивать волков!

Убегая, Серафина успела бросить взгляд через плечо на дорогу: человек с грубым лицом смотрел на сову, которая спускалась к нему кругами. К изумлению девочки, человек швырнул свой посох высоко вверх. Тот, перевернувшись в воздухе, полетел прямо в сову, но не задел ее, а как-то расплылся в воздухе, а потом совсем растворился во тьме. Сова тем временем скрылась в кронах деревьев.

Серафина совершенно не представляла, кто этот человек и что означает увиденная ею сцена. Но сейчас ей было не до того. Надо было спасать свою жизнь.

Ей было бы очень трудно отбиться хотя бы от одного напавшего, рычащего, кусающегося волкодава. Но сразиться с пятью – просто невысказано. Она мчалась через лес со всей скоростью, на какую была способна, подгоняемая ужасом. Она не позволит этим урчащим зверюгам уничтожить себя! Холодный лесной воздух забивался в ее горящие легкие, тело содрогалось от панического страха. Настигая ее, первый волкодав вытянул покрытую сбившейся шерстью шею, разинул зубастую пасть и укусил сзади за ногу. Она обернулась и ударила пса, крича от ярости и боли: на ноге остался след острых собачьих клыков. Запах крови еще больше возбудил волкодавов. Второй пес прыгнул на девочку и с рычанием решительно вцепился ей в плечо, не обращая внимания на то, что она лупит его кулаком по морде. Третий ухватил за кисть руки, не давая вырваться. Втроем псы повалили Серафину на землю, поволокли за собой. Тут подскочили еще двое, чтобы прикончить добычу. Оскалив клыки, они рванулись к ее горлу.

3

Серафина вскинула руку, закрывая шею от волкодава, и, вместо того, чтобы вонзить зубы в ее горло, пес вцепился ей в плечо. Девочка закричала от боли. Вторая псина уже тянулась сзади, чтобы нанести смертельный укус, но тут внезапно на ее голову обрушился камень размером с кулак, заставив отскочить. Еще один камень ударил другого пса, и тот поспешно повернулся навстречу опасности.

Послышался дикий вопль: «А-а-а-а!», и из темноты выскочил мальчишка с длинными растрепанными волосами. Он кинулся в драку, рыча, нанося удары и оплеухи, царапаясь и яростно размахивая руками во все стороны.

Взбесившись от боли, Серафина со всей силы вмазала кулаком по носу собаке, впившейся в ее руку.

– Вперед! Смелее! Беги! – заорал мальчишка, кидаясь на двух собак и освобождая путь Серафине.

Девочка с трудом поднялась на ноги, и все же она готова была снова бежать. Но только она решила, что им с мальчишкой, возможно, удастся спастись, как из темноты на него кинулась одна из собак и повалила, ударив с размаху в грудь. Мальчик и пес, яростно рыча и кусаясь, клубком покатались по земле.

Другая собака бросилась на Серафину. Девочка увернулась, но к ней уже рванулась еще одна.

– Ты не сможешь убежать и оторваться от этих тварей надолго, – выкрикнул мальчишка. – Ищи укрытие!

Она увернулась от страшных клыков раз, потом другой, третий, но хищные пасти все так же тянулись к ее горлу. Серафина треснула одного пса по голове, с силой пихнула в плечо другого, но собаки продолжали кусаться, кусаться, кусаться. Пытаясь укрыться от их зубов, девочка попятилась назад, но тут же наткнулась на отвесную стену скалы – дальше пути не было. Серафина изогнулась и громко зашипела, как животное, пойманное в капкан.

Снова волкодав бросился на нее, но мальчишка сбил его ударом.

– Сейчас! – крикнул он. – Лезь!

Серафина, повернувшись к скале, попыталась вскарабкаться по ее неровной поверхности. Но камень был слишком скользкий оттого, что по нему все время стекала вода. Видя, что жертва пытается бежать, два пса совсем осмелели и напали на нее сзади. Серафина отчаянно отбивалась, лупя их по мордам руками и ногами.

– Не отбивайся, дура! Лезь наверх! – крикнул мальчишка. – Ты должна убежать!

Серафина снова повернулась к скале, и тут на нее прыгнул очередной пес. Мальчишка бросился ему на спину, кусаясь и царапаясь, как дикий зверь. Собака злобно взвыла и крутанулась на месте, клаясь зубами на мальчишку. Оба повалились на землю в яростной схватке, и тут же еще две собаки с оскаленными клыками ринулись в бой.

Понимая, что другого шанса не будет, Серафина подскочила вверх и уцепилась за ветку растущего рядом рододендрона, а затем подтянулась вверх вдоль поверхности скалы. Тут же нащупала ногой выемку в камне и ухватилась за другую ветку. Цепляясь за ветви рододендрона, как за перекладины лестницы, а ногами упираясь в скалу, девочка полезла вверх так быстро, как могла: «А вы так попробуйте, псины безрукие!»

Вскарабкавшись на высоту, куда собаки уже не доставали, Серафина оглянулась. Два пса с ворчанием бегали туда-сюда у подножия скалы, пытаясь найти путь наверх. Тот, что был посмелее и поглупее, упорно пытался взбежать вверх по отвесной стене и каждый раз падал.

– Бегите назад к своему хозяину, мерзкие собаки, – презрительно бросила им Серафина, вспомнив темную расплывчатую фигуру бородача.

Но, оглядывая сверху лес, она искала взглядом не его. Куда подевались три других пса и мальчишка? Пока она лезла вверх, они яростно сражались, и было не разобрать, кто кого побеждает, хотя поверить в то, что мальчишка способен отбиться сразу от трех волкодавов, было невозможно.

Серафина ждала, прислушиваясь к лесу, но ничего не слышала. Две собаки, вынюхивавшие дорогу, уже бежали вдоль основания скалы.

«Эти дворняги ищут место, где можно подняться».

Значит, надо бежать дальше, пока не поздно. Поднявшись еще на пятнадцать футов, она выбралась на вершину скалы. Запыхавшаяся, истерзанная, покрытая кровотокающими ранами на голове, шее, руках, ногах, девочка опустилась на землю. Потом снова оглядела деревья внизу, надеясь заметить мальчишку.

Она всматривалась и всматривалась, но внизу все было неподвижно, не доносилось ни звука. Как собакам удалось так быстро скрыться из виду? И что с мальчиком? Удалось ли ему убежать? А может, он ранен?

Серафина никогда раньше не видела этого мальчишку и вообще никогда не встречала мальчишку, который бы так дрался. Он был смуглый, крепкий, мускулистый, с длинными неухоженными космами темно-коричневого цвета. Но что поразило девочку больше всего, так это скорость, с которой он двигался, и его свирепость. Наверное, один из местных, живущих в горах, вроде ее папаши; они славились своей выносливостью, ловкостью и смекалкой. Но мальчишка дрался, как взбесившаяся рысь. Он был какой-то дикий, как будто всю жизнь прожил в лесу.

Поднявшись на ноги, Серафина еще раз внимательно оглядела окружающую местность – плоскую каменистую равнину и участок густой растительности вроде кустарника, покрывающей спуск в обширное ущелье. Девочка почти не сомневалась в том, что знает, где она находится и как вернуться домой. Но она снова повернулась назад, всматриваясь в то, что было внизу. Дикая мальчишка спас ей жизнь. Как она может его бросить?

Укусы и царапины, полученные в драке с собаками, жгло как огнем. Боль была пронзительной, словно в раны впиалась колючая проволока. Кровь сочилась из раны на голове и заливала глаза. Надо было срочно возвращаться домой.

Но Серафина вглядывалась и вглядывалась туда, где последний раз видела мальчишку. Она ждала, надеясь услышать шум драки или увидеть карабкающегося вверх мальчика. Не дай только бог увидеть его растерзанное окровавленное тело, безжизненно замершее на земле.

«Не отбивайся, дура! Лезь наверх!» – звенело у нее в ушах, как будто мальчишка все еще был где-то рядом. «Беги!» – кричал он ей.

И что же ей делать? Бежать, как велел мальчишка? Или пойти его искать, как хотелось ей самой?

Серафина ненавидела привлекать к себе внимание, открываться перед теми, кто прятался в лесных зарослях вокруг нее, но сейчас она не видела иного выхода. Девочка поднесла ладони ко рту и шепнула верхушкам деревьев:

– Эй, ты меня слышишь?

Она немного подождала. Но не слышала ничего, кроме сверчков, лягушек и прочих привычных звуков ночного леса.

Серафина чувствовала, как успокаивается колотящееся сердце, становится тише дыхание, тяжелеют руки и ноги. Если уж идти домой, то делать это надо сейчас. Но девочка не желала бросать мальчишку в одиночестве. Она была не из тех, кто бросает. И не из тех, кто забывает.

Серафине хотелось поговорить с ним, узнать, как его зовут и где он живет, ну, или хотя бы убедиться, что с ним все в порядке.

Кто же он? Как оказался в лесу посреди ночи? И почему с такой готовностью ринулся в драку со сворой злобных псов, чтобы защитить ее?

Она снова прошептала деревьям:

– Эй, ты там?

4

Серафина поняла, что ждала дикого мальчишку слишком долго, когда услышала двух волкодавов, бегущих к ней с северной стороны. Значит, они обогнули скалу и нашли место, где можно подняться.

Она оглянулась вокруг. Посмотрела на дерево, прикидывая, насколько высоко сумеет забраться. Может быть, сползти вниз по скале, чтобы сбить собак с толку? Одной ей от них не отбиться, это очевидно. «Убегай!» – велел ей мальчишка.

Серафина встряхнулась. Кем бы ни был этот неожиданный союзник, ей хотелось верить, что он спасется. «Силы тебе и мужества, друг».

Она нырнула в густой подлесок из молодых елей и сосен. Деревья росли так тесно, что Серафине казалось, будто она плывет через океан зеленой хвои. Пробираясь сквозь заросли, девочка вдруг почувствовала, что сила куда-то уходит, сменяясь растерянностью. У нее подкашивались ноги, она никак не могла сосредоточиться на том, куда идти. Она дотронулась до головы и поняла, что ее рана сильно кровоточит. Кровь стекала на лоб и заливала глаза.

Серафина, спотыкаясь, брела между деревьями. Она уже не верила, что сможет уйти от собак. Раны на руках и ногах отдавались болью по всему телу. Девочке приходилось постоянно утирать кровь с глаз, чтобы видеть, куда она идет. Колючие лапы елей и сосен над ее головой были такими густыми, что она уже не видела ни луны, ни звезд. Она с хрустом наступала на сучья, поднимая шум, какого не допустила бы в своем обычном состоянии. Но сейчас ей было все равно. Нырять под ветвями и огибая их, Серафина мысленно все еще слышала голос дикого мальчишки: «Ты не сможешь убежать и оторваться от этих тварей надолго». Ей хотелось принять бой, но, если собаки нападут на нее здесь, в гуще деревьев, она даже не увидит, как они на нее кинутся. Ее убьют наверняка. Поэтому надо бежать дальше.

Внезапно деревья расступились, и девочка чуть не полетела вниз головой со скалы в полную порогов бурлящую горную речку. Она, охнув, отшатнулась от края и поспешно ухватилась за ветки растущего рядом дерева.

Осторожно глянув через край, девочка поняла, что перебраться через реку в этом месте невозможно. Уступ был слишком высок, а пороги слишком опасные.

«Куда ни кинь, всюду клин», – подумала Серафина.

Она знала, что ей нужно какое-то укрытие, но сейчас важнее всего было скрыть свой запах, чтобы собаки потеряли след.

Заставляя себя двигаться, девочка спустилась по склону к реке. Пройдя по берегу мимо порогов, она решила перейти вброд участок реки, который показался ей самым мелким и безопасным. До сих пор Серафине никогда не приходилось заходить на глубину, она и плавать-то не умела. Воды было по колено, но девочка едва удерживалась на ногах, преодолевая стремительное течение. Вода в горной речке оказалась такой ледяной, что ломило ноги. Течение было быстрое и сильное. Каждый шаг давался Серафине с трудом, она чувствовала, как скользит и проворачивается под ногами круглая, покрытая тиной и водорослями галька.

Наконец Серафина добралась до середины реки. Вода здесь поднялась выше колена, и бороться с течением стало еще сложнее, но девочка продолжала упрямо идти вперед. И как раз тогда, когда Серафина решила, что самое трудное уже позади, она вдруг почувствовала, как ее с силой толкнуло подводной струей, и дно ушло из-под ног. Она тут же потеряла равновесие и рухнула в ледяную воду. Девочка забилась, пытаясь ногами нащупать дно, но течение уже снесло ее на глубину. Кашляя и давясь, Серафина билась, дергалась, ловила ртом воздух, а поток легко нес ее вниз, к следующим порогам.

Течение втянуло девочку в узкую расщелину между двумя огромными валунами, протащило и выплюнуло с другой стороны, прокрутило в толще темной зеленой воды. На миг ее

голова оказалась над поверхностью, и Серафина успела глотнуть воздуха, но река тут же снова завладела девочкой и пошла полоскать ее в своих бурлящих водоворотах. В какой-то момент Серафину затянуло в такую глубокую воронку, что она мысленно попрощалась с папашей. Но ее уже кинуло на острый, торчащий из воды каменный выступ. Серафина попыталась уцепиться за него, но бешеное течение играючи оторвало девочку от камня и поволокло дальше. Серафина всегда считала себя сильной, но в этой горной реке она чувствовала себя крошечным беспомощным котенком.

Но вот наконец-то течение вышвырнуло ее в спокойные воды, и девочка сумела выползти на берег. Она рухнула на землю мокрая, истерзанная, не в силах пошевелиться.

Но все-таки она переправилась.

Серафина знала, что, если собаки побегут вниз по берегу и заметят ее на противоположной стороне, они продолжат преследование. Значит, надо было подняться и бежать дальше. Но Серафина не могла заставить себя двигаться. У нее не получалось даже голову приподнять, руки и ноги дрожали. Ледяная вода и могучее течение вытянули из нее последние силы.

Сейчас, когда Серафина неподвижно лежала у кромки воды, надежный и безопасный Билтмор казался ей таким невозможно далеким, таким недостижимым. Ее измученное тело не могло сдвинуться на несколько футов, не то что пройти необходимые несколько миль. Маленькие лужицы между камнями, на которых она лежала, потемнели от крови. Серафина почувствовала, что коченеет.

Может быть, и дикий мальчишка лежит смертельно раненный в лесу, где она его бросила. Или он все еще бьется с волкодавами? Или спасся? Серафина снова вспомнила его крик: «Беги!». Но она больше не могла бежать. Она не могла даже шевельнуться.

Серафину накрыла темная волна глубочайшего спокойствия, ее тянуло опустить тяжелые веки и махнуть на все рукой. Перед глазами поплыли тошнотворные разноцветные пятна. Она поняла, что теряет сознание. Как было бы хорошо просто взять и отключиться. Но ярость в сердце не давала забытья. «Вставай! – велела себе Серафина. – Беги! Скорее домой!»

Она попыталась приподняться, чтобы встать на ноги, хотя бы двинуть головой. Потом открыла глаза и сразу сощурилась, чтобы не попала кровь. Этот берег был низкий и не такой дикий, как суровые голые скалы на той стороне. Вокруг росли папоротники и березы. А потом Серафина увидела приближающийся во тьме огонек. Сначала она решила, что это падающая звезда, – небо было ясным. Но огонек оказался не один. Их было множество.

Она отчаянно силилась вдохнуть полной грудью, уверенная, что сейчас на нее опять нападут. Но даже сквозь страх пробивалась надежда, что это может быть факел или фонарь, что папаша нашел ее, как уже было не так давно.

Но нет, это не был подрагивающий свет фонаря, это было мерцание живых существ, кружащих в воздухе и направляющихся в ее сторону вдоль течения реки.

«Светляки?» – удивилась Серафина, когда они подлетели ближе.

Нет, они были гораздо крупнее и, к тому же, ярче. Их крылья плавно вспыхивали на лету то белым, то зеленым, то белым, то зеленым, как крылья светящихся бабочек.

«Но это не обычные бабочки, – с улыбкой подумала Серафина. – Это же сатурния луна».

Целая туча бабочек, бледно-зеленых, сияющих в лунном свете; сотни бабочек, летящих над рекой вниз по течению, сотни «хвостов», струящихся вслед за безмолвно и плавно взмахивающими крыльями.

Самую первую сатурнию луна она увидела, когда была еще совсем маленькой, летней ночью в садах Билтмора. Девочка навсегда запомнила почти волшебное сияние, исходившее от бабочки в подсвеченной звездами темноте. Сатурния луна сидела на ее раскрытой ладони, мягко помахая крыльями.

Но было очень странно увидеть так много бабочек, летящих вместе. Может быть, ей это мерещилось? А вдруг так приходит смерть – с воспоминаниями о далеких прошлых ночах?

Любуясь бабочками над водной гладью, Серафина неожиданно поняла, что они не просто так сбились в кучу. Они целенаправленно летели вниз по течению, словно хотели добраться до следующей реки, в которую впадала вот эта речка, а потом до следующей реки, и еще до следующей, через горы, и так до самого моря. Бабочки покидали эти места! Так же, как и птицы.

Серафина услышала тьяканье и вой псов на скале на противоположном берегу. Они шли за ней по пятам.

Последние бабочки растворились во тьме, и девочка попыталась хотя бы приподняться на руках. Но у нее не хватало сил. Тогда она попробовала подогнуть под себя ноги и тоже не смогла.

Но она увидела бабочек не случайно. Серафина была в этом уверена.

Она огляделась, ища какое-нибудь укрытие, – всего в нескольких футах от нее начиналась березовая рощица. Прикидывая, как бы до нее добраться, девочка вдруг заметила во тьме пару блестящих глаз, издали наблюдающих за ней. Не сводя взгляда с глаз, Серафина попыталась выровнять дыхание.

В первый миг она решила, что неправильно определила местонахождение волкодавов. Неужели они уже преодолели реку и сейчас окружали ее? Но на нее смотрели не свирепые черные глаза волкодавов. Эти глаза были золотисто-коричневые.

Ее захлестнуло чувство облегчения.

Она поняла, кто это.

– Мне нужна твоя помощь, – прошептала Серафина.

Словно в ответ, из темноты вырос зверь, от вида которого девочка пришла в ужас. Прямо на нее двигался горный лев, или самец пумы, которого она никогда раньше не встречала. Это был совсем молодой зверь, покрытый темным мехом, – сильный, смелый и голодный. Совсем не то животное, которое ожидала увидеть Серафина.

Девочка хотела привстать, чтобы хоть как-то защитить себя, но это было бесполезно. Самец прикончил бы ее игрушечки.

Пока Серафина соображала, как бороться с незнакомым горным львом, из-за деревьев вышло второе животное. И девочка облегченно выдохнула. Это была взрослая могучая пума, которую она отлично знала.

В этом облике ее мать была особенно прекрасна: покрытая густым и плотным бежевым мехом, с мощными, хорошо тренированными лапами. В ее лице и золотых глазах светился ум.

– Я так рада тебе, мама, – проговорила Серафина и сама удивилась тому, как отчаянно и жалобно прозвучал ее голос.

Но она не успела прочитать ответ в материнских глазах. Пума резко обернулась в сторону реки.

И тогда Серафина услышала тоже. Волкодавы шли по ее следу. И не двое, а снова все пятеро, стайей. Псы лаяли, рычали, щелкали зубами. Они приближались с каждой секундой.

5

Мать Серафины быстро подскочила к девочке и распласталась возле нее. Серафина не поняла, зачем она это сделала. Но тут подошел темный самец и подтолкнул тело девочки головой. Сначала Серафина решила, что пумы трутся о нее, чтобы скрыть ее запах, но потом вдруг догадалась, чего они хотят от нее.

Она с трудом забралась матери на спину и обхватила ее за шею. Затем пумы вместе с девочкой скользнули в рощу. Сначала они двигались медленно, а потом все быстрее и быстрее. Серафина ощущала под щекой материнский мех, чувствовала ее могучее дыхание, исходящую от нее силу. Пума еще прибавила скорость. Скоро они уже мчались через лес.

Это было необыкновенно: стремительно нестись сквозь ночь, ощущая под собой ритмичные движения пумы, такой сильной, бесшумной и быстрой. Рядом бежал темный самец. Серафине не раз снилось, что она мчится с бешеной скоростью, но ей никогда еще не приходилось бегать так в реальной жизни. Ее поражало то, как легко и ровно бежит мать, как гибко и плавно двигается, как быстро меняет скорость и направление, соединяя в себе мощь и грацию.

Поднявшись повыше в гору, пумы остановились и поглядели назад, в сторону реки. Они увидели, как далеко позади пять волкодавов вышли на берег реки, затем пересекли ее. Но сделали это сразу, возле скалы, не догадываясь, что быстрый поток унес девочку далеко вниз по течению.

В тот момент, когда вода сшибла ее с ног и поволокла за собой, Серафина была уверена, что попала в беду. Но теперь она поняла, что это спасло ей жизнь. Волкодавы кругами носились по берегу, растерянно нюхая землю, – они потеряли след. Потом пробежали немного вверх и вниз по берегу, принюхиваясь, и растерялись еще больше.

«Они не могут меня найти, – с улыбкой подумала Серафина, прижимаясь к материнской спине. – Они смогут почуять только запах пумы».

И снова львы стремительно помчались через лес, перепрыгивая через ручьи и овраги, сминая папоротники. Перед глазами Серафины замелькали стволы и ветви деревьев, ее уши заполнил свист ветра.

Они так долго бежали сквозь ночь, что глаза девочки закрылись сами собой. Она только чувствовала бег, холод воздуха над собой и материнское тепло под собой.

6

Через некоторое время Серафина проснулась на подстилке из мягкой ярко-зеленой травы, глянцеви́то поблескивающей в лунном свете. К ней прижималось что-то меховое и теплое, рядом раздавалось негромкое мурчание. Это мамыны львята уютно устроились у нее на спине. От радости, что видят ее, они мягко перебирали передними лапками, как будто разминали ей спину. Серафина невольно улыбнулась. Она чувствовала, как они тычутся носами ей между лопаток и щеко́чут усами шею. Последние недели она часто забегала к матери в логово и успела всем сердцем полюбить своих сводных братца и сестричку, а они полюбили ее – она это точно знала.

Девочка подняла руку, чтобы ощупать рану на голове. На рану был наложен компресс из листьев, который остановил кровь и облегчил боль. Раны на руках и ногах также были обложены листьями лесных лекарственных растений. И Серафина вдруг поняла, что при необходимости уже сможет двигаться, хотя ей совершенно не хочется это делать. Она уже давно заметила, что переносит боль гораздо легче, чем многие другие люди. Девочка не раз удивляла папашу этой своей способностью. И холод ей тоже не очень мешал.

Как и все в ее роду, Серафина была крепкой, выносливой, способной действовать невзирая на ушибы и кровавые раны. Но, конечно же, благодаря целебным растениям она пришла в себя совсем быстро.

Кто-то легко коснулся ее плеча. Девочка подняла голову. Мама. Она была сейчас в человеческом облике – золотоглазая, с необычно острыми высокими скулами, с длинными светло-каштановыми волосами. Но для Серафины самым удивительным и восхитительным в матери было то, что в ее лице, в каждом ее взгляде читалась любовь к ней, Серафине.

– Ты в безопасности, Серафина, – проговорила мать, осматривая ее рану на голове.

– Мама, – слабым, дрожащим голосом произнесла девочка.

Оглядевшись, она поняла, что мать принесла ее в самую глубь леса, к надгробию в виде ангела на самом краю заброшенного кладбища. Под густым покровом старых искривленных деревьев лежали и стояли потрескавшиеся от времени, густо опутанные плющом, покрытые лишайником надгробия. С засохших ветвей клочьями свисал мох, от темной земли поднимались странные туманные испарения. Но туман никогда не просачивался на полянку, где находилось надгробие с ангелом, и даже зимой его окружала сочная зеленая трава. Каменное надгробие стояло в центре поляны. Это была скульптура прекрасного крылатого ангела со сверкающим стальным мечом. Можно было подумать, что время вокруг надгробия замерло, и ангел охраняет его, чтобы на этом крошечном пятачке вечно царила весна.

На краю поляны, под корнями огромной ивы, мать Серафины устроила логово для двух своих детенышей. И однажды ночью это место стало полем битвы, во время которой Серафина и ее друзья сумели одержать победу над мистером Торном, Человеком в черном плаще.

«Найдите Черного!» – приказал бородач своим волкодавам этой ночью. Серафина невольно окинула взглядом поляну, словно думала увидеть там обрывки черного плаща, который она разорвала на мелкие клочки с помощью острого как лезвие ангельского меча. Тогда девочка была уверена, что окончательно уничтожила плащ, но, может быть, следовало еще раскрошить в пыль серебряную пряжку и сжечь обрывки ткани? Серафина оглянулась на кладбище – его покосившиеся надгробия и разбитые гробы, – и впервые задумалась о том, что стало с обрывками плаща.

Всю жизнь, сколько Серафина себя помнила, она в одиночестве исследовала темные коридоры хозяйского дома в Билтморском поместье. Она всегда охотилась. Таков был ее инстинкт. Девочка не знала, почему у нее столь длинная гибкая спина, не такие, как у других людей, ключицы и по четыре пальца на ногах. Серафина могла только гадать, почему она

отлично видит в темноте, а другие – нет. Все это объяснилось только после того, как она встретила свою мать. Та была горнольвицей – оборотнем, человеком, способным превращаться в горного льва. Лишь тогда Серафина поняла, что она не просто девочка, она – горнольвенок.

Страстно желая узнать как можно больше о себе и своем роде, Серафина в течение последних недель почти каждую ночь ходила на охоту вместе с матерью. Она знакомилась с лесом и с жизнью горнольвов, старательно запоминала все, чему учила ее мать; внимательно наблюдала за ней, когда та была в львином обличье. Серафина напрягала ум и настраивала сердце, как объясняла ей мать. Она тысячи раз пыталась представить и почувствовать себя горнольвицей. Но у нее ничего не выходило. Она ни разу не сумела обернуться и оставалась все той же девочкой.

Вот и сейчас Серафине ужасно хотелось, чтобы мать помогла ей сделать еще одну попытку и превратиться в пуму. Но какое-то неприятное внутреннее чувство подсказывало девочке, что мать откажется.

Львята барахтались возле Серафины и терлись носами об ее лицо, а она гладила и тискала их, теребила и прижимала ладонями их круглые ушки. Детеныши были чистокровными горными львами, не оборотнями, но они с самого начала приняли Серафину за свою, и, похоже, их ничуть не волновало то, что у нее клыки коротковаты, а хвоста нет вообще.

Серафине стало интересно, куда подевался темный лев. Он выглядел слишком молодо, чтобы быть отцом львят.

Тогда почему же он присоединился к семье?

– Мама, что за лев был вместе с тобой? Тот, молодой...

– Неважно, – раздраженно ответила мать. – Я велела ему держаться подальше от нас, особенно от тебя. Он на чужой территории и прекрасно это знает. Он здесь проходом, вместе с другими.

Серафина вскинула удивленные глаза:

– С какими другими?

Мать ласково коснулась ее щеки.

– Лежи спокойно, малышка, – сказала она и хотела отойти.

– Пожалуйста, объясни мне, что случилось, – взмолилась Серафина, хватая ее за руку. – О каких других ты говоришь? Почему животные убегают? Что это за человек в лесу и зачем он пришел?

Мать обернулась и посмотрела ей прямо в глаза.

– Тебя не должны ни видеть, ни слышать в лесу, Серафина. Держись тише воды, ниже травы. Ты должна быть в безопасности.

– Но я не хочу быть в безопасности! Я хочу знать, что происходит! – вырвалось у Серафины прежде, чем она осознала, что ведет себя, как ребенок.

– Мне понятно твое любопытство, поверь, – мягко проговорила мать, дотрагиваясь до ее плеча. – Но сколько, по-твоему, у тебя жизней, маленькая моя? Лес слишком опасен для тебя. В одну из таких ночей меня может не оказаться рядом, и я просто не успею к тебе на помощь.

– Я хочу научиться оборачиваться как ты, мама.

– Я знаю, котенок. Мне очень жаль, – ответила та, смахивая слезу с щеки Серафины.

– Скажи, что для этого надо делать, – умоляюще воскликнула Серафина. – Я буду тренироваться.

Мать покачала головой:

– Горнольвята начинают оборачиваться вместе с матерью, когда они еще совсем крошечные, до того, как научатся ходить, бегать или говорить. Для них это настолько естественно, что они даже не представляют, как может быть иначе. Они видят себя оборотнями и становятся оборотнями. Мне очень жаль, что я не смогла научить тебя этому, когда ты была маленькой.

– Так научи меня сейчас, мама.

– Мы тренировались каждую ночь, ты сама знаешь, – сказала мать. – Но, боюсь, тебе уже поздно учиться. Ты никогда не сможешь обернуться.

Серафина яростно замотала головой, чуть ли не зарычала на мать от боли и обиды.

– Я знаю, что смогу! Ты должна верить в меня!

– Тебе слишком опасно находиться в лесу, – повторила мать, грустно глядя на Серафину.

– Но тогда ты можешь прийти в Билтмор в своем человеческом виде, – взволнованно сказала Серафина. – И мы будем вместе.

– Серафина, – нежно проговорила мать, хотя в голосе ее чувствовалась твердость; она прекрасно понимала смятение дочери и ее страх остаться одной, – я двенадцать лет была заключена в тело львицы. Я даже представить себе не могу, что вернусь к людям, в их мир... пока – не могу. Постарайся понять меня. Моя душа раздвоилась, и мне нужно время, чтобы исцелиться, понять, кто я. Мне очень жаль, но сейчас мое место в лесу, и, кроме того, я должна вырастить львят.

– Но... – начала Серафина.

– погоди, – мягко оборвала ее мать, – дай мне договорить. Я должна тебе это сказать. – Она помолчала, пытаясь справиться с волнением. – Все эти двенадцать лет, пока я была львицей, ты, так же, как и я, тоже была в заключении. В своем человеческом теле. – Мать утерла слезу. – И ты теперь человек. Ты выросла человеком. А я горнольвица. – Она опустила глаза и глубоко, прерывисто вздохнула. А потом снова посмотрела на Серафину. – Я так счастлива, что мы могли побыть вместе, что я узнала тебя и поняла, какой замечательной девочкой ты выросла. Я люблю тебя всем своим сердцем, Серафина, но я не смогу стать тебе той матерью, какой должна быть.

– Мамочка, пожалуйста, не говори так...

– Нет, Серафина, – проговорила мать, обнимая ее дрожащими руками. – Выслушай меня. Ты едва не погибла сегодня ночью. Я ни в коем случае не должна была отпускать тебя в лес одну. Я чуть не потеряла тебя. – Ее голос дрогнул. – Ты не представляешь, как много для меня значишь... и даже не догадываешься, какие страшные силы пришли в движение. Я хочу, чтобы ты вернулась в Билтмор и осталась там. Там твой дом, и за его стенами ты в безопасности. А здесь все изменилось. Мне придется уйти отсюда вместе с детенышами. А для тебя одной лес слишком опасен, особенно сейчас.

Серафина напряженно смотрела на мать.

– Ты уходишь? И что значит «особенно сейчас»? Объясни мне, что происходит, мама. Почему все животные покидают эти места?

– Это не твоя битва, Серафина. От такой опасности на двух человеческих ногах не убежать. И твоих коготков не хватит для защиты. Как только тебе станет лучше, ты должна уйти домой. И будь очень осторожна. Не показывайся никому и ничему. Беги напрямик в Билтмор.

Серафина с трудом сдерживала слезы.

– Мама, я хочу остаться с тобой в лесу! Пожалуйста!

– Серафина, тебе здесь не ме...

– Не говори так!

– Слушай, что я говорю, – чуть резче сказала мать. – Тебе здесь не место, Серафина.

Серафина яростно вытерла глаза. Но она хочет быть здесь! Хочет больше всего на свете. Слова матери разрывали ей сердце.

Она пыталась спорить, но мать не пожелала продолжать разговор. Она опустила голову дочери на травяную подстилку.

– Я дала тебе траву, которая поможет заснуть. А когда ты проснешься, сразу почувствуешь себя гораздо лучше.

Серафина лежала смиренно, как велела мать. Все было так запутанно! В доме или в лесу, она хотела найти место, которое можно назвать своим. Но пока у нее появились друзья, кото-

рые не были ее друзьями, и родственники, которые не были родственниками. Черные силы собирались в лесу и пытались проникнуть в ее сердце так же незаметно, как до этого черный плащ пытался окутать ее душу.

Вытянувшись у подножия каменного ангела, Серафина медленно погружалась в глубокий темный сон, словно опускалась на дно бездонного колодца, и ничего не могла с этим поделать.

Проснувшись через несколько часов, девочка обнаружила, что уже не лежит на подстилке из трав. Она находилась в абсолютной темноте. А вокруг была земля – снизу, сверху, со всех сторон.

7

Прошло несколько мгновений прежде, чем Серафина поняла, что лежит в логове своей матери под землей. Наверное, мать перенесла ее сюда, пока она спала.

Ей было тепло, она чувствовала, что уже окрепла. Встав на четвереньки, девочка выползла из логова, затем выпрямилась возле ангела на поляне, освещенной луной. Судя по звездам, прошло несколько часов.

Раны не кровоточили и болели гораздо меньше. Серафина огляделась, и у нее упало сердце: и мать вместе с детенышами, и лев ушли. А ее оставили одну.

Но кто-то из них начертил прямо на земле:

Если ты помощи ищешь
Летом, зимой, весной,
Туда приходи, где стена – это пол,
А дождь льется стеной.

Серафина нахмурила лоб. Она не понимала, о чем идет речь, и даже не была уверена, что это написано для нее.

Она внимательно осмотрела поляну с надгробием, а потом взглядела в окружающие деревья. Лес был неподвижен, лишь туман струился меж мокрых, блестящих ветвей. Серафина не слышала ни единого звука. Как будто мир за пределами поляны исчез.

Серафина подумала о матери, львятах и темном льве, а потом об ужасных словах: «Тебе здесь не место, Серафина». Из всех ран, какие ей нанесли, эта саднила больше всех.

А потом она подумала о Брэдене, папаше, мистере и миссис Вандербилт и обо всех остальных обитателях Билтмора, которые жили своей дневной жизнью, совершенно отдельной от ее ночной.

«Там тебе тоже не место».

Стоя посреди поляны с ангелом, Серафина внезапно с болью и горечью осознала...
... что она опять одна. Совсем одна.

При мысли о том, что она никогда не научится оборачиваться, душа ее разрывалась от боли и отчаяния, ей хотелось упасть и зарыдать. Девочка не понимала, что происходит. Она так радовалась переменам, наступившим в ее жизни, так надеялась, и вдруг словно повисла в пустоте, не нужная ни той, ни другой стороне. Ей не было места ни в доме, ни в лесу, ни во тьме ночи, ни в свете дня.

Прошло немало времени, прежде чем она повернула голову и посмотрела на прекрасного, молчаливого каменного ангела с изящными, но крепкими крыльями и длинным стальным мечом. Девочка перечитала надпись на подножии статуи:

Нашу внутреннюю суть определяют не битвы,
В которых суждено проиграть или победить,
Но сражения, в которые мы не боимся вступить.

Затем Серафина снова оглянулась на лес и решила: не важно, что она сможет или не сможет сделать, не важно, кому она нужна или не нужна, она все равно останется С.Г.К. Без всяких сомнений.

Этой ночью Серафина видела в лесу необъяснимые вещи. Она не знала, кем был бородатый мужчина, знала только: он воплощает нечто настолько темное, что все звери разбега-

ются, нечто настолько опасное, что даже мать не верит, что его можно побороть. Мать была уверена, что в лесу обитают опаснейшие существа, и, конечно, она не ошибалась. Серафина же на собственном опыте убедилась, что иногда эти существа пробираются в дом. Девочка снова вспомнила экипаж без кучера, который четыре жеребца умчали в сторону Билтмора. Она была готова поклясться, что кроме бородача в экипаже находился кто-то еще. В каком обличье этот чужак проникнет в дома мистера и миссис Вандербилт? В ее, Серафинин, дом? И зачем он явился? Может быть, он вор? Или шпион?

Именно там, на поляне с ангелом, Серафина приняла решение: если в доме завелась крыса, она ее поймает.

8

Добравшись до Билтморской заводи, Серафина присела в густую высокую траву и внимательно осмотрела окрестности.

Она смотрела и ждала.

С того места, где она находилась, никаких признаков опасности не наблюдалось. Все казалось тихим и мирным.

На зеркальной глади заводи поблескивали последние звезды, на смену им уже шел рассвет. Совсем низко пролетело семейство лебедей и, сделав круг, опустилось на воду, разбив гладкую поверхность с отраженным в ней звездным небом.

Вдали величественно возвышалось на холме Билтморское поместье. Казалось, дом вырастает прямо из зеленого моря, образованного кронами деревьев Билтморского парка. Первые лучи солнца коснулись стен, и окна тотчас засверкали стеклами. Стройное здание с синей черепичной крышей, изящными арками и высокими, украшенными шпилями, башнями, напоминало Серафине старинный замок из сказок, которые она читала в библиотеке по ночам, когда все спали.

Девочка смотрела на дом и чувствовала, как теплеет на сердце. Она была рада, что возвращается домой. Надо снова подружиться с Брэденом и еще раз поблагодарить миссис Вандербильт за подаренное платье, решила Серафина. И постараться слушаться папашу. Но в первую очередь необходимо узнать, кто явился в Билтмор этой ночью.

Раны уже почти не болели, но в глазах по-прежнему так и стоял кошмарный бородатый мужчина из леса и еще тот смутный образ в экипаже. Кроме того, Серафине все так же хотелось знать, что случилось с диким мальчишкой, который спас ее, а потом исчез.

Девочка направилась в сторону дома вверх по склону, заросшему высокой травой; лишь кое-где росли большие деревья. Она скользила от ствола к стволу, стараясь оставаться незамеченной.

Заметив впереди двух человек и собаку, которые шли к опушке леса, Серафина поспешно нырнула в траву. Она сразу узнала стройного темноволосого мистера Вандербильта, хозяина Билтморского поместья. Он был в высоких сапогах, куртке лесничего и фетровой шляпе. Как большинство джентльменов, он, отправляясь на разные встречи или прогулки, часто брал с собой изящную трость. Но сегодня мистер Вандербильт вооружился походным посохом из каштанового дерева с металлическим наконечником и кожаной петлей, в которую можно было продеть рук для удобства. Рядом шел его верный Седрик – большой, коричневый с белым сенбернар.

За последние недели Серафина лучше узнала мистера Вандербильта. Этот спокойный, сдержанный человек по-прежнему таил в себе много тайн, но теперь он вызывал у девочки симпатию, и ей хотелось бы верить, что и она у него – тоже.

Серафина была рада видеть, что он в безопасности и даже отправился на прогулку с утра пораньше. Это был хороший знак – значит, в Билтморе все в порядке.

И тут Серафина увидела человека, который шел рядом с мистером Вандербильтом. Он был одет в длинное коричневатое пальто, из-под которого виднелся светло-серый костюм джентльмена, а в руке держал прогулочную трость с медным набалдашником, который поблескивал на солнце при каждом движении. Лицо у него было старое, волосы на голове редкие, а борода – густая и седая. Серафина настороженно прищурилась. Незнакомец напомнил ее жуткого человека, которого она видела в лесу. У того было грубое лицо, а глаза сверкали серебром в лунном свете. Чем-то они были неуловимо похожи. Но, приглядевшись получше, девочка решила, что перед ней все же другой человек.

Новый гость мистера Вандербильта был старше, медленнее двигался, сутулился. Девочка не видела его лица и не могла понять, кто это, хотя он казался ей знакомым. Может быть, это и был второй пассажир экипажа? Слуга, которого бородатый отправил в Билтмор шпионить? Или демон вроде Человека в черном плаще? Серафина точно знала, что ночью в Билтмор кто-то приехал. Оставалось только выяснить, кто.

Спрятавшись за большим черным грецким орехом, она наблюдала, как двое мужчин медленно направляются в сторону леса. Вот незнакомец проткнул дырку в земле наконечником трости, затем достал что-то из висевшей на плече кожаной сумки, присел и, кажется, положил туда и закопал. Серафине это показалось очень странным.

Наконец мужчины и собака скрылись за деревьями, оставив Серафину в глубоких сомнениях и раздумьях о том, что это за незнакомец и как он связан с человеком, которого она видела ночью в лесу. Не переставая размышлять, девочка поднялась вверх по склону. Но, подходя к дому, она вдруг увидела возле конюшни Брэдена, оседлывающего одного из своих коней, и ее сердце радостно встрепенулось.

Брэден был жив и здоров. Серафина улыбнулась, чувствуя, как расслабляются мышцы. Кто бы или что бы ни прибыло ночью в Билтмор, оно не тронуло ее друга. Но все равно необходимо было немедленно рассказать Брэдену о том, что случилось с ней в лесу, и предостеречь его.

На Брэдене, как обычно, был твидовый жакет для езды верхом, куртка, а под ними – белая рубашка с бежевым галстуком. Ноги в высоких кожаных сапогах легко ступали по траве. Каштановые волосы чуть ерошил ветер. И, конечно, рядом крутился Гидеан – его любимый доберман. Брэден умел установить дружеский контакт с любым животным, которое встречалось ему на пути. Он подружился с этим необычным остроухим псом несколько лет назад, когда путешествовал с семьей по Германии. А после трагической смерти всех родных во время пожара, мальчик и пес стали неразлучны. В каком-то смысле Гидеан стал для Брэдена единственным, кроме него самого, выжившим членом семьи. Лишь после того, как он переехал в Билтмор к своим дяде с тетей, у него постепенно стали появляться друзья.

Серафина знала, что Брэден ездит верхом каждый день. Его конь, как ветер, проносился по полям, так что казалось, что он совсем не касается ногами земли.

Как хорошо снова увидеть друга! Выскочив из укрытия, Серафина побежала к мальчику. Она хотела в шутку неожиданно налететь на него и повалить на землю и уже открыла рот, чтобы позвать: «Брэден!», как вдруг из-за коня вышел еще один человек. Серафина мигом опустилась в высокую траву.

Выждав немного и убедившись, что никто не вопит: «Эй, гляньте, какая странная девочка там, в траве!», она прокралась к ближайшему дереву и осторожно приподнялась.

Высокая девушка лет четырнадцати с длинными рыжими кудрями стояла, ожидая, когда Брэден подтянет стремя на предназначенной для нее лошади. На девушке был облегающий изумрудно-зеленый жакет для верховой езды со стоячим воротником, треугольными лацканами и отворотами на рукавах. Золотые пуговицы на жакете сверкали при каждом шаге и взмахе руки. Полосатое, зеленое с белым, пальто и длинная юбка идеально сочетались с жакетом.

Серафина недовольно поморщилась. Обычно Брэден катался один. Наверное, дядя и тетя попросили его поухаживать за юной гостьей. Но что теперь делать Серафине? Отряхнуть изодранное, повисшее клочьями, перепачканное в грязи и крови платье, подойти к Брэдену и девушке и представиться? Серафина вообразила, как это будет, – она, лохматая и дикая, выходит из зарослей: «Всем привет! Я прям из леса. Ходила охотиться на лесных крыс, да меня чуть не сожрала стая волкодавов. А вы как поживаете?»

Подойти к ним? Но, может, прерывать беседу Брэдена с девушкой – грубо и невоспитанно?

Серафина не знала.

И поэтому чисто интуитивно решила остаться в укрытии и понаблюдать.

Девушка позволила Брэдену помочь ей забраться в седло, затем села боком, свесив ноги налево и красиво расправив складки юбки. Тут Серафина заметила, что на ногах у девушки очень красивые шнурованные ботиночки из светло-серой кожи с цветочной вышивкой. Ездить в таких верхом было просто смешно, и пробежаться по лесу в этих изящных скорлупках – невообразимо, но они и вправду выглядели очень мило.

В дополнение к прекрасному наряду девушка прихватила с собой трость для верховой езды с серебряным набалдашником и кожаной плеткой на конце. Серафина тихонько фыркнула. Похоже, все господа, выходя из дому, обожают прихватывать с собой трости и палки самых разных видов. Лично она предпочитала, чтобы руки у нее всегда были свободны.

При виде трости Брэден сказал:

– Вам это не понадобится.

– Но это часть моего наряда, – возразила девушка.

– Как пожелаете, – ответил Брэден, – но, пожалуйста, не касайтесь тростью лошади.

– Пожалуйста, – согласилась девушка.

Она говорила очень надменно и высокомерно, как будто хотела, чтобы все видели: она воспитана, как настоящая леди. И еще она произносила слова в точности, как миссис Кинг, домоправительница Билтмора, которая приехала из Англии.

– Тогда скажите, – проговорила девушка, – как мне остановить это животное, если оно вдруг вздумает умчаться вместе со мной на спине?

Серафина хихикнула, представив, как лошадь рванет вперед, неся на себе визжащую девочку в кружавчиках, как она вольно перепрыгнет через несколько изгородей, а затем с громким всплеском приземлится в какой-нибудь канаве, полной жидкой грязи.

– Вам всего лишь требуется слегка потянуть за поводья, – вежливо ответил Брэден.

Стало понятно, что он мало знаком с девушкой, и это утвердило Серафину в мысли, что присмотреть за ней попросили дядя с тетей.

Помимо самодовольства и высокомерия в девушке было еще что-то, что беспокоило Серафину. Эта тонкая штучка, одетая по последней моде, наверняка должна была уметь ездить на лошади. Но она прикидывалась, что не умеет. Зачем? К чему прикидываться беспомощной? Или именно таким способом девушки привлекают внимание молодых людей?

Но на Брэдена уловка девушки не подействовала. Ничего не говоря, он подошел к своей неоседланной лошади и легко вскочил ей на спину. На прошлой неделе он объяснил Серафине, что не использует уздечку и поводья для того, чтобы контролировать лошадь, но направляет ее и задает скорость лишь движением ног.

– Поедем помедленнее, – кокетливо произнесла девушка, когда они оба пустили лошадей шагом по территории поместья.

Серафине было очевидно, что она ни капли не боится лошади, просто изображает из себя нежную утонченную натуру.

– А я-то думал, мы устроим безумные гонки, – пошутил Брэден.

Сообразив, что его не трогает образ хрупкой принцессы, английская барышня сменила тон так же стремительно, как делает бросок гремучая змея.

– Я, конечно, могла бы посостязаться с вами, – высокомерно проговорила она, – да только боюсь забрызгать свою юбку грязью, которая полетит вам в лицо, когда я буду вас обгонять.

Брэден рассмеялся, и даже Серафина улыбнулась. Все-таки, девица была не такой уж слабачкой, какой прикидывалась.

Пока всадники ехали по тропе, Серафина слышала, как они дружески беседуют между собой. Брэден рассказывал о своих лошадях и псе Гидеане, а девушка расписывала достоинства наряда, который собиралась надеть сегодня к ужину. Серафина заметила, что, как только всад-

ники въехали в лес, девица стала настороженно оглядываться по сторонам. Городской барышне вроде нее отдаленный район Северной Каролины казался местом глухим и пугающим. Она направила лошадь поближе к своему кавалеру.

Брэден посмотрел на подъехавшую девушку. И Серафина вдруг засомневалась в том, что он общается с гостьей лишь из вежливости. Может быть, он и сам хочет с ней дружить. Пара скрылась за деревьями, и Серафину внезапно охватило чувство такой пустоты, какое она до сих пор не испытывала.

Серафина легко могла бы проследить за парочкой, и они ни о чем не догадались бы, но она не стала этого делать. У нее были другие дела.

Этой ночью она видела, как бородач отправил в Билтмор экипаж. Значит, искать признаки появления нового гостя следовало на конюшне.

Она прокралась в здание конюшни через заднюю дверь, так, чтобы не попасться на глаза главному конюху мистеру Ринальди – итальянцу пламенного темперамента, который терпеть не мог всяких посторонних, пугавших его лошадей. Но беззвучно передвигаться по ровному и чистому кирпичному полу было несложно, тем более, что в конюшне даже днем всегда имелся темный уголок, где можно спрятаться. Лошадиные стойла были огорожены лакированными дубовыми досками с окантовкой из черного металла и острыми металлическими прутьями по верхнему краю. Серафина принялась обходить стойла. Кроме нескольких дюжин хозяйских лошадей, она обнаружила примерно двенадцать, принадлежащих гостям.

Ба-бах!

Серафина от неожиданности полетела на пол. Сердце ее заколотилось. Было такое ощущение, что кто-то вдарил кувалдой по стенке стойла с внутренней стороны. Не представляя, что там может быть такое, девочка осторожно оглядела центральный проход. Сверху опускалась взвившаяся столбом пыль, как будто после небольшого землетрясения, но вокруг было пусто. Вот только четыре самых дальних стойла оказались перекрыты до самого потолка. Их загородили так, словно хотели убедиться, что обитатели точно не смогут выбраться наружу.

Поднявшись на ноги, Серафина медленно пошла по проходу к загороженным стойлам. Она почувствовала, как взмокли ладони.

Дубовые доски полностью закрывали стойла, не давая увидеть, что находится внутри. Поэтому девочка подобралась вплотную, прижалась лицом к доске и заглянула в щелку.

9

Могучее животное с силой ударилось о деревянную загородку стойла. Та, спружинив, задела Серафину по голове. От неожиданности девочка испуганно отшатнулась. Зверь, громко фыркая, бил копытами в загородку, ударял плечами и всем телом. Под его натиском доски гнулись и скрипели.

Услышав, что на шум уже бегут старший конюх с толпой помощников, Серафина метнулась в пустое стойло, припала к полу и скрылась в тени. Глотая воздух ртом, она пыталась осознать, что же только что увидела, – мощное темное туловище, черные глаза, раздувающиеся ноздри и тяжело ударяющие копыта. Вопросов было море.

Тут ворвался мистер Ринальди с остальными конюхами. Зверь продолжал яростно колотиться о стену. Главный конюх, громко крича, отдавал указания укрепить загородки. Под шумок Серафина выскочила из стойла и кинулась вон из конюшни, пока ее не заметили.

Это были те самые жеребцы! Без сомнения. Кем бы он ни был, но второй пассажир экипажа находился в Билтморе.

Девочка пробежала вдоль каменного фундамента главного дома до задней его части, протиснулась в вентиляционное отверстие, скользнула в шахту, отодвинула проволочную сетку и вылезла уже в подвале.

Вандербильты узнали о существовании Серафины несколько недель назад и, теоретически, она теперь могла спокойно войти в дом и через дверь, как все нормальные люди. Но девочка редко пользовалась такой возможностью.

Она пробежала по коридору, миновала дверной проем, затем снова прошла по коридору и, наконец, очутилась в мастерской. Папаша радостно обернулся.

– Доброе у... – начал было он благодушно, но, увидев растерзанную и растрепанную дочку, испуганно отшатнулся. – Деточка! Что с тобой приключилось? – Ласково приобняв, он подвел ее к табурету и помог сесть. – Ох, Сера, – проговорил он, глядя на раны дочери. – Я разрешил тебе ходить в лес по ночам, чтобы ты могла общаться со своей матерью, но у меня просто сердце разрывается, когда ты возвращаешься в таком виде. Что ж ты там такое делала, в этом самом лесу?

Много лет назад отец нашел новорожденную Серафину в чаще леса, так что, скорее всего, он хотя бы отчасти догадывался, кто она такая. Но он всегда терпеть не мог разговоры о нечистой силе, оборотнях и прочих ночных созданиях. Наверное, ему казалось, что, пока молчишь об этих вещах, их вроде как и не существует, им нет места в реальной жизни.

Серафина много раз обещала себе не рассказывать папаше во всех подробностях о своих приключениях в ночном лесу. Обычно она держала данное себе слово, но сегодня, стоило папаше спросить, как впечатления и переживания полезли наружу, и она уже не могла остановиться.

– На меня напала ужасная стая собак, па! – сухо всхлипнула она.

– Успокойся, Сера, ты здесь в безопасности, – проговорил отец, прижимая ее большими сильными руками к своей широкой груди. – О каких собаках речь? Ты ведь не про пса молодого хозяина говоришь?

– Нет, па. Гидеан никогда меня не тронет. В лесу появился странный человек со сворой волкодавов. Он их на меня натравил! с такой злобой!

– Но откуда он взялся? – спросил отец. – Может, это был охотник на медведя?

Она покачала головой.

– Не знаю. Он вылез из экипажа, а экипаж потом отправил в Билтмор. Мне кажется, я увидела у нас в конюшне коней, которые были в него впряжены. А мистер Вандербильт сегодня

утром гулял с каким-то странным человеком. Ты не знаешь, ночью в поместье никто не приезжал?

– Слуги болтали о куче народу, который понаедет на Рождество, но не думаю, что человек, которого ты видела, – один из гостей. Готов поспорить, это один из тех браконьеров из Миллз Гэп, которых мы шуганули с территории поместья пару лет назад.

В голосе отца послышался гнев. Он был в ярости от того, что кто-то обидел его малышку.

– Схожу сейчас сообщу об этом управляющему поместьем МакНейми, – проговорил он, не переставая осматривать запекшуюся рану на голове Серафины. – Соберем людей, пусть займутся этим парнем, кто бы он ни был. Но в первую очередь надо заштопать тебя. Потом отдохнешь немного. А урок может и подождать.

– Урок? – с недоумением переспросила Серафина.

– Чтоб ты прилично вела себя за столом.

– Как, опять? Только не это, па! Мне надо узнать, кто приехал в Билтмор!

– Я тебе уже объяснял: чем глубже мы забьем этот гвоздь, тем лучше.

– Забьем в мою голову, да?

– Да, в твою голову. Запоминаешь-то ты чем? Теперь, когда вы с молодым хозяином подружились, ты должна вести себя, как полагается.

– Я знаю, как полагается, па.

– Ты такая же воспитанная, как хорек. Надо было мне почаще рассказывать тебе, как держатся господа с верхних этажей. Совсем не так, как мы.

– Брэден мой друг, па. И я нравлюсь ему такой, какая я есть, если ты на это намекаешь.

Серафина словно со стороны услышала, как заступает за Брэдена, и ей вдруг показалось, что она обманывает и отца, и себя. На самом деле она уже и сама не знала, дружит с ней Брэден или нет, и с каждым днем сомневалась в этом все больше.

– Я не столько насчет юного господина беспокоюсь, – заметил папаша, доставая чистую тряпочку, смачивая ее водой и начиная промывать раны дочери, – сколько насчет самого хозяина с хозяйкой и особенно их городских гостей. Как ты будешь сидеть с ними за одним столом, если не видишь разницы между салфеткой и скатертью?

– А зачем мне ее видеть, эту...

– Дворецкий сообщил мне, что мистер Вандербильт хочет видеть тебя наверху сегодня вечером. А на кухне всю готовят торжественный ужин.

– Ужин? Какой еще ужин? А тот незнакомец тоже будет там? И поэтому меня зовут? А Брэден... он будет на этом ужине?

– Да у тебя вопросов поболее, чем у меня ответов! – хмыкнул папаша. – По правде сказать, ничего я об этом не знаю. Не представляю, зачем бы хозяевам тебя искать, если не ради юного господина. Знаю только, что сегодня вечером ожидается большое веселье, и хозяин велел тебя позвать, и это больше похоже на приказ, чем на приглашение, если ты меня понимаешь.

– Так тебе сказали, что будет ужин или веселье, па? – озадаченно поинтересовалась Серафина. И тут же ей пришло в голову, что обычно Вандербильты не устраивают ни того, ни другого.

– Да у них там все одно, – бросил папаша.

Серафина поняла, что ей придется пойти на ужин, о котором говорил отец, хотя бы потому, что это самый простой способ увидеть всех новых людей, приехавших в Билтмор. И тут же подумала, что все не так-то просто.

– Но как же я пойду, па? – с тревогой спросила она, глядя на свои исцарапанные руки и ноги. Раны не особенно болели, но выглядели ужасно.

– Соскребем с тебя грязь, вычешем из волос ветки и засохшую кровь, и все будет отлично. Царапины не будут видны под платьем.

– На нем теперь прорех больше, чем на мне, – возразила девочка, глядя на изорванное в клочья, покрытое пятнами крови платье, которое подарила ей миссис Вандербильт.

Явиться на ужин в таком виде было немыслимо.

– Зубастые твари здорово тебя отделали, – буркнул отец, осматривая ее ухо с порванной мочкой. – Болит?

– Уже нет, – ответила она, думая о другом. – А где твоя старая рабочая рубаша, в которой я раньше ходила?

– Я выкинул ее, как только миссис Вандербильт подарила тебе хорошую одежду.

– Ну, па, теперь мне совсем нечего надеть!

– Не волнуйся. Соорудим тебе что-нибудь из того, что есть.

Серафина возмущенно замотала головой:

– Да здесь есть лишь мешковина и наждачная бумага!

– Послушай. – Отец взял ее за плечи и заглянул в глаза. – Ты жива, правда? Так возьми себя в руки. Благодарю Бога и делай то, что следует делать. За всю твою жизнь хозяин хоть раз требовал твоего присутствия наверху? Нет, не требовал. Поэтому, барышня, если вас зовут, извольте идти. С песнями и плясками.

– С песнями и плясками? – в ужасе переспросила Серафина. – А зачем петь и плясать?

Как же она сможет незаметно следить за окружающими, если ее заставят петь и плясать?

– Это просто выражение такое, дочка, – покачал головой отец. Потом, помолчав, пробормотал: – во всяком случае, я так думаю.

10

Серафина сидела на лежанке, несчастная и негодующая, пока отец, как умел, пытался промыть и перебинтовать ее раны. Как обычно, их окружали полки с запасными деталями, инструменты, верстаки. Но, похоже, папаша совсем позабыл про работу, которую надо было сделать этим утром, полностью переключившись на Серафину.

На верстаке были кучей свалены медные трубки и латунные детали от кухонного холодильного шкафа. Накануне папаша долго втолковывал Серафине что-то про аммиачную холодильную систему, трубки, по которым что-то проходило, охлаждающую спираль, но она ничего не поняла. Девочка выросла в отцовской мастерской, но не имела никакой склонности к технике. Она запомнила про устройство лишь то, что оно было очень сложное, держало продукты в холоде и было одной из немногих холодильных установок, имеющих в стране. Местные жители сохраняли продукты охлажденными, опуская их в ледяной родник, впадающий в ручей, и, по мнению Серафины, это было гораздо разумнее, чем складывать их в холодильный шкаф.

Едва папаша закончил хлопотать над девочкой, она поспешно соскочила с лежанки в надежде, что он забыл о своем намерении уложить ее отдыхать.

– Мне надо идти, па. Я хочу потихоньку пробраться наверх; может, замечу чужака.

– Ну-ка, послушай меня, – проговорил он, крепко беря ее за руку. – Я не хочу, чтобы ты поссорилась с кем-либо наверху.

Серафина закивала:

– Я поняла, па. Никаких ссор. Просто хочу поглядеть, кто там есть и все ли в порядке.

Меня даже никто не заметит.

– Дай мне слово, что так и будет.

– Даю тебе слово, па.

И Серафина отправилась на первый этаж. Гости расхаживали по комнатам, отдыхали в салонах и гостиных, но подозрительных лиц среди них не было. Тогда она перешла на второй этаж, но и там не увидела ничего из ряда вон выходящего. Серафина обегала весь дом сверху донизу, но нигде не нашла ни чужака, который прогуливался утром вместе с мистером Вандербильтом, ни любого другого человека, который мог бы сойти за второго пассажира в экипаже. Девочка послушала, о чем сплетничают слуги, которые готовились к праздничному вечеру в Банкетном зале, но узнала только, сколько огурцов должна принести кухонная прислуга главному повару, и сколько серебряных тарелок нужно дворецкому для лакеев.

Серафина попробовала заново вспомнить все, что случилось ночью: может, она что-то забыла или не учла какие-то детали. Что означала та сцена, когда бородач подкинул свой посох навстречу сове? И кто же все-таки был вторым пассажиром в экипаже? Тот незнакомец, который гулял с мистером Вандербильтом? И откуда взялся дикий мальчишка, который ее спас? Жив ли он? И как ей его найти?

«Опять у меня вопросов больше, чем ответов», – растерянно подумала Серафина, вспомнив отцовские слова.

Ближе к вечеру, когда она вернулась в мастерскую, папаша спросил:

– Ну как, узнала что-нибудь?

– Вообще ничего, – буркнула Серафина.

– Я побеседовал с управляющим поместьем МакНейми. Он отправляет своих лучших всадников, чтобы они разыскали браконьеров. – Отец вытер о тряпку перепачканные каким-то смазочным маслом руки.

– Опять лифт барахлит, па? – поинтересовалась девочка.

Папаша любил похвастать, что в Билтморе находится самый первый и самый лучший лифт на все южные штаты. Но сегодня, похоже, он был настроен несколько менее восторженно, чем обычно.

– Зубчатые колеса в подвале перекручиваются всякий раз, как лифт останавливается на четвертом этаже, – пожаловался он. – Тот, кто его собирал, вставил оси кое-как. Готов спорить, что лифт не будет работать, как следует, пока я не выдерну весь механизм и не установлю его заново. – Папаша подозвал Серафину взмахом руки. – Но погляди вот сюда. Это интересно.

Он показал ей тонкую металлическую пластину, которая выглядела так, как будто ее не просто сломали, а разорвали на части. Очень странно было видеть разорванным кусок металла. Серафина не представляла, как такое возможно.

– Что это, па? – спросила она.

– Этот маленький держатель должен закреплять на своем месте зубчатое колесо, но каждый раз, когда лифт проезжал вверх или вниз, держатель гнулся вперед-назад, вот так. – Отец пальцами несколько раз согнул и разогнул металлическую пластину. – Металл прочный материал, и поначалу кажется, что его не сломать, верно? Но если постоянно гнуть его туда-сюда, смотри, что получается. Место сгиба размягчается, появляются трещинки и, в конце концов, пластинка ломается. – При этих словах кусочек металла разломился на две части. – Видишь?

Серафина с улыбкой посмотрела на папашу. Иногда ей казалось, что он обладает своими особыми колдовскими силами.

Затем она оглянулась на другой верстак. Где-то между починкой лифта, холодильного шкафа и прочими обязанностями папаша ухитрился выкроить время, чтобы соорудить ей платье из мешковины и обрезков кожи.

– Па, – в ужасе пролепетала Серафина.

– Примерь, – сказал тот.

Папаша был очень горд своим произведением, прочно сшитым с помощью пеньковой веревкой и шила, которым он штопал дыры на своем рабочем кожаном переднике. Ему нравилось думать, что он способен починить или смастерить все что угодно.

Серафина мрачно отошла за полки с запасными деталями, сняла изорванное зеленое платье и натянула творение папаши.

– Прекрасна, как воскресное утро, – бодро заявил папаша, когда она вышла из-за полок, но было очевидно, что вранье дается ему с трудом.

Он отлично понимал, что это одно из самых безобразных и уродливых творений, какое только создавалось когда-либо на земле. Но от него была польза. А для папаши только это и имело значение. Платье было практичным. Оно прикрывало тело Серафины. Под длинными рукавами прятались царапины и следы зубов на руках, а высокий, плотно прилегающий воротник хотя бы отчасти скрывал жуткую рану на шее. Так что благородные дамы на ужине, или веселье, или что там у них будет, не упадут в обморок при виде до полусмерти искусанной Серафины.

– А сейчас садись, – сказал папаша, – я покажу тебе, как правильно вести себя за столом.

Она неуверенно уселась на табурет, который отец поставил перед верстаком. Рабочая поверхность должна была изображать праздничный обеденный стол длиной в сорок футов в Банкетном зале мистера и миссис Вандербильт.

– Выпрямись, девочка, не сутулься, – велел папаша.

Серафина распрямилась.

– Подними голову, не наклоняйся над едой так, как будто ты собралась за нее драться.

Серафина послушно откинула голову.

– Убери локти со стола.

– Я не банджо, па, хватит меня дергать за струны.

– Я не дергаю. Я пытаюсь научить тебя хоть чему-нибудь, но ты уродилась слишком упрямой, чтобы делать, как велят.

– Не такой упрямой, как ты, – проворчала Серафина.

– Не дерзи мне, девочка. Теперь слушай. Когда сидишь за ужином, есть надо с помощью вилок. Посмотри сюда. Считай, что эти отвертки – твои вилки. А мастерок для цемента – твоя ложка. А мой нож – твой столовый ножик. Насколько я слышал, ты должна правильно выбрать вилку для этого дела.

– Какого дела? – растерялась Серафина.

– Для еды. Понятно?

– Нет, непонятно, – призналась она.

– Так, смотри прямо перед собой. Не стреляй глазами по углам, как будто ищешь, на кого бы напрыгнуть и прикончить в любую минуту. Вилка для салата здесь, снаружи. А для горячего – внутри. Сера, ты меня слушаешь?

Как правило, она не получала никакого удовольствия от отцовских уроков хороших манер, но так приятно было снова оказаться дома, в безопасности, за таким знакомым занятием.

– Запомнила? – спросил он, закончив объяснять про столовые приборы.

– Запомнила. Вилка для горячего внутри, вилка для салата снаружи. Только у меня вопрос.

– Ну?

– Что такое салат?

– Елки-палки, Серафина!

– Я просто спросила!

– Это миска с этим... ну, знаешь... растительностью всякой. Капуста, там, листья салата, морковь, ну, все в этом роде.

– Кроличья еда.

– Нет, барышня, не кроличья, – твердо проговорил папаша.

– Птичий корм.

– Нет.

– То, чем питается добыча.

– Слушать не желаю такие разговоры, и ты это знаешь.

Глядя на папашу, объясняющего ей тонкости столового этикета, Серафина вдруг поняла, что он никогда не сидел за одним столом с Вандербильтами. Он, скорее, исходил из своих представлений о том, как это должно выглядеть, а вовсе не из реального опыта. Особенно ее настораживало то, как папаша описывал салат.

– Зачем богатым и приличным людям вроде Вандербильтов есть листья, если они могут позволить себе что-то хорошее и вкусное? Почему они не едят курицу весь день напролет? Я на их месте так объедалась бы курятиной, что стала бы толстой и ленивой.

– Сера, будь серьезнее.

– Да я серьезна! – ответила она.

– Послушай, ты стала друзьями с молодым господином, и это хорошо. Но, если ты хочешь остаться с ним в дружбе надолго, тебе необходимо выучиться основам.

– Основам?

– Научиться вести себя, как дневная девочка.

– Да я же не из Вандербильтов, па, и он это знает.

– Я понимаю. Просто не хочу, чтобы ты, когда будешь там, наверху...

– Что? Напугала их?

– Сера, тебе самой известно, что ты не самый нежный цветочек в саду, вот и все. Я тебя люблю ужасно, но, надо честно признать, ты у меня диковата – все время толкуешь о крысах да о добыче. По мне-то, и так все здорово, но...

– Я понимаю, па, – хмуро проговорила Серафина, которой не хотелось, чтобы он продолжал. – Я постараюсь вести себя самым лучшим образом, когда буду наверху.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Серафина вздрогнула и чуть было не кинулась бежать. Она столько лет пряталась от всех, что до сих пор, заслышав приближающиеся шаги, пыталась спрятаться.

– Кто-то идет, па, – шепнула она.

– Не, никто не идет. Ты лучше слушай, что я говорю. Нам надо...

– Прошу прощения, сэр, – сказала молоденькая служанка, входя в мастерскую.

– Господи, девочка, – воскликнул папаша, оборачиваясь, – нельзя же так пугать-то!

– Извините, сэр, – ответила девушка, приседая в реверансе.

Служанка была совсем молодой, по виду – всего на пару лет старше Серафины. У нее было очень милое лицо, обрамленное темными кудрявыми волосами, выбивающимися из-под белого чепца. Как и все служанки, она носила черное хлопчатобумажное платье с накрахмаленными белоснежными манжетами и воротничком, а также длинный кружевной передник, тоже белый. Но, судя по внешности и поговору, она была из местных – из горных жителей.

– Ну, говори, что тебе нужно, – сказала папаша.

– Да, сэр, – ответила она и застенчиво покосилась на Серафину. – Я принесла записку от молодого хозяина для маленькой мисс.

Произнося эти слова, девушка с интересом рассматривала Серафину. Наверное, удивлялась ее острым чертам лица и янтарным глазам. А может, заметила рваные раны, виднеющиеся из-за выреза мешочного платья. В любом случае, девушке было на что взглянуть, и она не сумела отказать себе в такой возможности.

– Вот видишь, Сера, – довольно заметил папаша, – я же тебе говорил. Хорошо, что мы потренировались. Молодой господин прислал тебе настоящее приглашение на сегодняшний ужин.

– Держите, мисс. – Служанка издали протянула Серафине записку, словно не решаясь подойти ближе.

– Спасибо, – спокойно ответила та и медленно взяла записку, чтобы не напугать девушку резким движением.

– Спасибо, мисс, – ответила девушка, но, вместо того, чтобы повернуться и выйти, замерла, разглядывая странные волосы Серафины и ее не менее странный наряд.

– Хочешь сказать еще что-то? – спросил папаша.

– Ой, нет, извините, – заторопилась девушка, отрывая взгляд от Серафины, смущенно присела и поспешно вышла из мастерской.

– Ну, что там написано? – поинтересовался папаша, кивая на записку.

Девочка дрожащими руками развернула листок. Наверняка что-то важное. Она пробежала глазами записку и сразу поняла, что папаша ошибался. Ее не приглашали ни на ужин, ни на танцы. Речь шла о серьезных и мрачных делах. На первом же предложении ее сердце болезненно сжалось. Она вспомнила, как мистер Торн в черном плаще замятво упал на землю, убитый ею самой и ее друзьями. И тут же представила себя и Брэдена на виселице, повешенными за убийство. Но, читая страшную записку, она одновременно просияла от радости: ведь ей писал Брэден! Значит, он все-таки ее друг и товарищ.

С.,

в Билтмор прибыл сыщик, расследующий преступление. Это самый странный человек, какого я только в жизни видел. Нас с тобой приглашают

в 6 часов вечера, чтобы расспросить об исчезновении мистера Торна. Будь осторожна.

Б.

11

Серафина подозревала, что сыщик и есть второй человек из экипажа. И, похоже, ей можно было не искать его – он сам ее искал. Наверное, это тот самый человек, который гулял утром с мистером Вандербильтом. Но, кем бы сыщик ни оказался, полицейский допрос – дело малоприятное. Что она скажет, когда он спросит ее об исчезновении мистера Торна? «А, этот? Помню-помню. Я заманила его в ловушку, привела к логову своей матери, а мои сообщники его убили. Хотите, покажу, где все это произошло?»

Серафина поднималась на первый этаж по неосвещенной лестнице, чувствуя, как голова распухает от мыслей, которых так много, что они не помещаются внутри.

Была половина шестого. Оставалось еще целых полчаса на то, чтобы обежать дом прежде, чем являться на допрос. Но тут возникла заминка.

Молоденькая служанка, которая так внимательно разглядывала ее в мастерской, стояла на верхней ступеньке, загораживая дорогу.

Серафина сузила глаза и остановилась.

– Что вам нужно?

Девушка шагнула к ней, и Серафина настороженно попятилась.

– Мне надо поговорить с вами, мисс.

Серафина промолчала.

– Вы уж извините, мисс, но вам нельзя идти наверх в таком виде.

– Но я так выгляжу, – жестко ответила Серафина, холодно глядя на служанку.

– Я про платье, мисс.

– Другого у меня нет.

Служанка понимающе кивнула:

– Тогда позвольте мне одолжить вам одно из своих. Мое обычное платье, или воскресное, или еще какое-нибудь. Только не...

– Только не это, – договорила Серафина, указывая на свою мешковину.

– Я всегда слышала о вашем батюшке только хорошее, – смущенно проговорила девушка. – Люди говорят, он способен починить все, что угодно. Но, простите, мисс, согласитесь, что кроить и шить платья он не мастер.

Серафина улыбнулась. Девушка была абсолютно права.

– И вы мне поможете? – нерешительно спросила она.

– Если вы не против, мисс, – чуть заметно улыбнулась девушка.

– Как вас зовут? – спросила Серафина.

– Эсси Уолкер.

– А меня Серафина.

– Девочка, Которая Привела Детей Назад, – кивнула Эсси.

Значит, она знает про Серафину и рада встрече с ней?

Серафина улыбнулась и кивнула в ответ.

Конечно, Д.К.П.Д.Н. звучало не так эффектно, как С.Г.К., но тоже неплохо.

Девочка посмотрела на служанку более внимательно. У Эсси было милое открытое лицо и дружелюбная улыбка.

– Где покоятся ваши предки, Эсси? – спросила Серафина. Так всегда говорил отец, когда хотел спросить у кого-нибудь из местных, где они живут.

– Я точно не знаю, – ответила девушка. – Мама с папой умерли, когда мне был год или два. Какое-то время я жила с бабулей и дедулей в округе Мэдисон, на ферме неподалеку от Уолната, а когда и они отошли в мир иной, мне стало некуда податься. Миссис Вандербильт

услыхала обо мне и взяла к себе, дала кров над головой. А я сказала, что хочу делать что-то полезное для дома.

– Вы очень молодая по сравнению с другими служанками в Билтморе, – заметила Серафина.

– Самая молодая, – гордо улыбнулась Эсси. – Ну, пойдемте, приведем вас в порядок.

Она хотела взять Серафину за руку, но даже приблизиться не успела, – та, дернувшись всем телом, привычно отскочила назад.

Ее резкое движение испугало Эсси, она на миг оторопела.

– А вы немного боязливы, да? – спросила она.

– Извините, – смутилась Серафина.

– Ничего страшного, – проговорила служанка. – Все мы чего-нибудь да боимся. Ну, пойдемте. Время бежит.

Она повернулась и припустила вверх по лестнице. Серафина легко поспевала за ней. Они миновали три пролета, проскочили в дверку, ведущую в служебный коридор, снова промчались по лестнице на четвертый этаж. Потом пробежали узким ходом под Северной башней, мимо комнат прислуги, завернули за угол, спустились на шесть ступенек, пересекли общую комнату для слуг, где три горничные и служанка пили чай у камина.

– Не обращайтесь на нас внимания, – крикнула Эсси, пробегая мимо них.

Затем они помчались длинным узким коридором с высоким арочным потолком, расположенным прямо под островерхой крышей дома. На четвертом этаже оказалась двадцать одна комната для горничных и прочей женской прислуги. Комната Эсси была третьей справа.

– Ныряйте сюда, мисс, – бросила девушка следующей за ней по пятам Серафине.

Во время своих ночных прогулок Серафина несколько раз заглядывала в помещения служанок, когда те отлучались в туалет, и хорошо представляла себе просто обставленные, чистые, аккуратно убранные комнатки. Но Эсси украсила свою металлическую, выкрашенную белой краской кровать мягкими подушками и лоскутным одеялом осенних расцветок. Серафина сразу представила, как уютно здесь свернуться клубком и вздремнуть в лучах заходящего солнца.

Но вряд ли у Эсси было много времени на отдых. На плетеном стуле охапкой лежала мягкая одежда. Из каштанового шкафчика было выдвинуто два ящика, а в тазике для умывания с утра стояла вода.

– Прошу прощения за беспорядок, мисс. – Эсси поспешно подобрала с пола белье, задвинула ящики. – Не дай бог, миссис Кинг вечером зайдет с проверкой. Но иногда пять утра наступает так рано! а я не ждала сегодня гостей.

– Да все в порядке, – сказала Серафина. – Видели бы вы, где сплю я.

– Я утром еле глаза разодрала, – призналась Эсси, убирая одежду со стула. – Легла поздно. А все из-за этого противного мистера Скруджа.

Серафина тотчас наострила уши. Что еще за злобный мистер Скрудж? Но тут же она увидела на ночном столике «Рождественскую песнь» Чарлза Диккенса. Рядом вперемешку лежали эшвиллские газеты, Библия и оборванный листок, смахивающий на рабочее расписание, составленное миссис Кинг. А ведь до Рождества осталась всего неделя, с изумлением поняла Серафина.

Книжка в коричневой кожаной обложке с золотым тиснением подозрительно напомнила ей экземпляр, который она сама «позаимствовала» из домашней библиотеки в прошлом году. «Так, значит, я не единственная, кто таскает книжки у мистера Вандербильта», – улыбнулась про себя Серафина.

На туалетном столике Эсси лежали и стояли всевозможные приспособления, необходимые женщинам: щетки для волос, шпильки, баночки с кремом, стеклянная бутылочка с лимонной эссенцией, которой Эсси так благоухала, что Серафина чуяла ее за версту. Выкрашен-

ные в кремовый цвет стены были увешаны рисунками Эсси с изображением цветов и осенних листьев. Серафина понимала, что должна заниматься делом: прячась в тени, обходить весь дом и следить за гостями или хотя бы подумать о допросе, до которого оставались считанные минуты. Но она не могла отказать себе в удовольствии взглянуть на Билтмор с новой стороны, которая никогда раньше перед ней не открывалась.

В центре одной из стен была вмонтирована лампа Эдисона. Папаша, раздуваясь от гордости, рассказывал Серафине, что мистер В. знаком с мистером Томасом Эдисоном и очень любит брать на вооружение все его новейшие изобретения.

У Эсси была собственная лампочка! Это поразило Серафину. От папаши она знала, что горцы на западе Северной Каролины живут в хибарах из обшивочных досок или бревенчатых домишках без электричества, отопления и водопровода. Большинство из них никогда не видело электрической лампочки и уж тем более не имело ничего подобного дома. Но Эсси устроила себе тут, на четвертом этаже, уютную норку, как мышка, свившая гнездо на чердаке, где никто ее не найдет.

В скошенной стене прямо под крышей было прорезано окно, из которого открывался изумительный вид на Голубые горы, – Серафина, как жительница подвала, крайне редко могла любоваться сверху такой красотой. Ее взгляд притянула гора Фасги, возвышающаяся над остальными вершинами. Через несколько ночей после победы над Человеком в черном плаще они с Брэденом залезли на крышу, чтобы отметить это событие. Они сидели рядом под звездами, глядя на горы, и Брэден объяснял Серафине, как получилось, что гора, расположенная более чем в девятнадцати милях от дома, все равно была на территории поместья. Мальчик не переставал удивляться, говорил, что, если ехать верхом по извилистым горным тропам, можно добраться до вершины за день, а вот орел, следуя воздушным потокам, способен оказаться там в одно мгновение.

Серафина с улыбкой повернулась, осматривая комнату Эсси.

– Неплохо я тут устроилась, мисс? – с интересом спросила та.

– Совсем неплохо, – согласилась Серафина. – Мне нравится.

Эсси сняла с одного из крючков в стене симпатичное бежевое платье.

– Это мой лучший воскресный наряд, – сказала она, протягивая платье Серафине. – Оно, конечно, не такое шикарное, как у благородных дам, но...

– Спасибо, Эсси, – тихо проговорила Серафина, осторожно забирая платье. – Оно совершенно замечательное.

Эсси отвернулась, чтобы девочка могла переодеться, но продолжала говорить.

– Я сейчас горничная, но когда-нибудь обязательно стану камеристкой. Может быть, буду прислуживать гостям хозяйки, а может, и самой миссис Вандербилт. А вы знакомы с миссис В.?

– Да, – ответила Серафина, стягивая платье из мешковины.

Руки и ноги тотчас покрылись мурашками – как от холода, так и от волнения.

Было так странно раздеваться, когда в комнате находился кто-то еще.

– Я так и думала, что вы должны ее знать, поскольку вы это вы, ну и вообще, – продолжала Эсси.

Надо заметить, что за последние недели Серафина очень привязалась к миссис Вандербилт и с удовольствием беседовала с ней. Но уже несколько дней хозяйка не выходила из своей комнаты.

– Моя подруга ходит в школу, открытую миссис В. Они там учатся складывать цифры и ткать, – сообщила Эсси. – Миссис В. считает, что у девочек должно быть какое-то образование, чтобы в случае чего они смогли сами себя прокормить.

– Я думаю, она очень добрая, – согласилась Серафина, пытаясь понять, как надевается платье, на котором было ошеломляюще много пуговиц, шнурков и еще каких-то непонятных штучек.

– Добрее не бывает, – подтвердила Эсси. – Вы слышали про мальчика молочника? Две недели назад молочник и его сын тяжело заболели, просто ужас, ослабели так, что вот-вот гляди помрут. И миссис В. пришла к ним домой с корзинкой еды, чтобы помочь семье как-то перебиться, пока они не поправятся. Когда она увидела, что мальчик совсем плох, то велела мужчинам перенести его к себе в экипаж и самолично доставила в больницу в Эшвилле.

– И что стало с мальчиком? – спросила Серафина. Она наконец-то сообразила, как натянуть платье, и сейчас застегивала последние пуговички.

– Все еще очень болен, – ответила Эсси. – Но, я слышала, о нем хорошо заботятся.

– Можете поворачиваться, – сказала Серафина.

– О, мисс! – воскликнула Эсси. – Так гораздо лучше, уж вы мне поверьте! Подойдите, поглядитесь в зеркало, пока я займусь вашими волосами.

Судя по всему, Эсси ничуть не беспокоило то, что Серафина не похожа на других людей, что у нее исцарапано лицо, слишком большие глаза и острые, жестко очерченные скулы. Девушка сразу взялась за дело.

– Ну и волосы! – воскликнула она и принялась дергать за пряди, точно боролась со стайкой непослушных увертливых хорьков. – Сейчас я не успею причесать вас как следует, но в порядок более-менее приведу.

Пока Эсси трудилась, Серафина разглядывала себя в зеркале. Она с удивлением заметила что-то новое: у нее появились длинные пряди черных волос, которых не было раньше.

– Что-то не так, мисс? – спросила Эсси, заметив, что Серафина нахмурилась.

– У меня коричневые волосы, а не черные, – озадаченно проговорила девочка, медленно поднимая руку и касаясь черных прядей.

– Хотите их убрать, мисс? Я все время выстригала бабушке седые волосы. Они росли такие длинные и жесткие, как будто напитались лунным светом, и мы обрезали их, как только они появлялись.

– Выдерните их, – сказала Серафина.

– Но, мисс, это же больно. И потом их много.

– Просто хватайте их покрепче да дергайте посильней, – настойчиво повторила Серафина.

Мало того, что ей придется идти на первый этаж и выставлять себя на всеобщее обозрение, так теперь еще из головы растет не пойми что. Кошмарное зрелище.

Эсси выбрала черные волоски и рванула так сильно, что у Серафины дернулась назад голова.

– Простите, мисс.

– Ничего, продолжайте.

Пока Эсси занималась ее волосами, Серафина решила расспросить девушку о том, что видела сегодня утром.

– Вы сказали, что мечтаете стать камеристкой. А вы уже прислуживали новой барышне, которая у нас гостит?

– Англичанке! – Эсси громко застонала, и сразу стало ясно, что она не в восторге от гостыи.

– Она вам не нравится? – удивленно спросила Серафина.

– Я ей вот ни на столечко не доверяю, явилась сюда вся из себя такая важная-благородная, а сама тут же положила глаз на молодого хозяина.

Серафина не до конца поняла, о чем болтает Эсси, но вдруг подумала, что та видит и слышит многое из того, что недоступно Серафине, поскольку постоянно бывает на втором и третьем этажах.

– А вы уже видели сыщика, который расследует убийство? – спросила она. – Он приехал прошлой ночью.

– Еще нет, но один из лакеев рассказывал, что к нему в комнату пришлось тащить целую кучу сундуков и чемоданов, набитых всякими странными инструментами. Только и гоняет слуг туда-сюда, требует принести то одно, то другое.

«Плохо дело», – подумала Серафина.

Выдрав у Серафины несколько клоков черных волос, Эсси схватила щетку и принялась расчесывать волосы длинными, плавными движениями. Серафине было странно, но необыкновенно приятно ощущать, как щетинки покалывают кожу головы, как слегка натягиваются у корней волосы, как скользит по ним щетка, разделяя спутанные пряди. Она с трудом удерживалась от того, чтобы не замурлыкать.

– Можно спросить вас, мисс? – проговорила Эсси, продолжая водить щеткой по волосам. – Миссис Кинг велит служанкам не совать нос в чужие дела, но девушки все равно это обсуждают. Мы все хотим знать, что происходит.

– А что происходит? – неуверенно спросила Серафина.

– Да миссис В., – пояснила Эсси. – Она не спустилась к завтраку сегодня утром, и все последние дни она так плохо себя чувствует, что мы ее почти не видим. Я уверена, что она обязательно поправится, просто думала, может, вы что-нибудь знаете об этом.

– Я не догадывалась, что она больна, – сказала Серафина, чувствуя, как внутри все сжимается от тревоги. Так вот почему они давно не виделись!

– Ужасно больна, уже несколько дней, – сообщила Эсси. – Иногда ей, вроде, чуть лучше. И доктор все время приезжает. А мы просто хотим знать, что с ней будет все в порядке.

– Я честно ничего не знаю, Эсси. Мне очень жаль, – сказала Серафина. Новость о том, что миссис Вандербильт больна, легла ей на сердце тяжелым камнем. – Я обязательно расскажу вам, как только что-нибудь узнаю.

– Буду очень благодарна, – кивнула Эсси. – А я расскажу вам, если услышу что-то раньше.

Наконец она опустила щетку. Затем собрала волосы Серафины, скрутила их в жгут и уложила свободным пучком на затылке, закрепив шпильками.

– Вот так, мисс, – проговорила Эсси. – На какое-то время сойдет.

Из зеркала на Серафину смотрела почти что незнакомка. Лицо осталось то же, но с убранными в пучок волосами и в платье Эсси она выглядела почти прилично.

Оглядев свою работу, Эсси гордо улыбнулась.

– Вот теперь вы выглядите, как положено, – сказала она, удовлетворенно кивая.

– И правда! – изумленно согласилась Серафина.

Она обернулась к Эсси и вспомнила, как отскочила в сторону, когда та хотела дотронуться до нее тогда, на лестнице. Серафина медленно протянула руку и положила ее на руку Эсси, – она видела, что люди иногда касаются друг друга таким образом. Серафине этот жест казался ужасно странным, ей было очень непривычно дотрагиваться до постороннего, и она вообще не была уверена в том, что выбрала для этого правильный момент. Но Эсси в ответ просияла.

– Ой, что вы, мисс, я не сделала ничего особенного, просто помогла другой девушке, вот и все.

– Я очень благодарна вам, Эсси.

Помолчав мгновение, она решила задать еще один вопрос до того, как выйдет из комнаты.

– Вы недавно сказали, что все мы чего-нибудь боимся.

– По-моему, так оно и есть, разве нет?

– Мне показалось, что вы подумали о чем-то конкретном. Чего боитесь вы? Заболеть, как сынок молочника?

– Нет, мисс.

– Тогда чего же? Что вас пугает?

– Ну, я, понятное дело, не очень-то жалуя всяких призраков, – а кто их любит? – оживших мертвецов и тому подобное. Но чего я всегда боялась больше всего, так это рассказов моего дедушки, которыми он пугал нас, малышей, вечером у камина.

– О чем?

– Ну, знаете, если вдруг в тихую безветренную погоду вдруг ветер как дунет и уронит что-нибудь, или в лесу наткнешься на мертвое животное, а отчего оно умерло, непонятно... в таких случаях люди говорят: «Это старик-лесовик шалит».

В голосе Эсси слышался страх, и Серафина почувствовала, как у нее пересохли губы.

– Какой старик? – переспросила она.

– Вы наверняка слышали похожие истории про старика с посохом, который бродит в чаще, прячется в тумане, морочит людей, сбивает их с дороги и заводит в болото. Иногда он озорует возле самого дома – то молоко свернется, то куры передохнут. Мой дедуля обожал такие истории, а я их боялась до смерти. И, честно говоря, до сих пор боюсь.

– Но что это за старик? Откуда он взялся? Чего ему надо? – озадаченно спросила Серафина.

Эсси покачала головой и пожала плечами.

– Да кто ж его знает! – рассмеялась она. – Это просто глупые сказки, но почему-то они пугают меня больше всего на свете. Если я когда-нибудь, не дай бог, окажусь ночью в лесу, и вдруг где-то сучок хрустнет или дунет ветер, я помчусь оттуда сломя голову. И так я темноты боюсь, что мне не до шуток. Вот почему, помимо прочего, мне так нравится жить здесь.

– Здесь? Почему? – Серафина не поняла, как одно связано с другим.

– Все удобства в доме, – со смехом пояснила Эсси. – Не надо по ночам на двор бегать!

Серафина улыбнулась. Ее новая подруга была совершенно дневной девушкой, но, несмотря на это, Эсси Уолкер нравилась ей все больше и больше.

– Правда, мисс, – уже серьезно сказала Эсси, – вам пора идти вниз, а мне надо братья за работу. Если мы тут будем сидеть, как парочка загнанных енотов в норе, нас с собаками искать придется.

– Собаками? – вздрогнула Серафина.

– Ну да, с охотничьими псами. Так говорят, когда ищут кого-то повсюду.

– Да, конечно, – спохватилась Серафина. Она вдруг подумала, что, как и Эсси, ее много чего пугает в этой жизни.

Серафине было жаль прощаться и покидать уютную комнату, тем более, что внизу ее не ожидало ничего хорошего, но она была искренне рада, что обрела нового друга.

12

Серафина промчалась вниз по лестнице, едва касаясь каждой пятой ступеньки, – один пролет, второй, третий. Очутившись на первом этаже, она метнулась мимо испуганного лакея в буфетную, пролетела узким коридором, проскочила дверь, пробежала через малую столовую, где обычно накрывали к завтраку, снова по коридору и, в конце концов, притормозила, глубоко вздохнула и спокойно вошла в зимний сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.